

13485.

13482. К
13485 Журн. юрид. общ.
1896, V-VI
Дружинин Н.
БИБЛИОТЕКА
УЧЕНОГО КОМИТЕТА МАН.
КРЕСТЬЯНЕ И ОБЩЕЕ ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО.

(Къ 35-лѣтію реформы 19 февраля 1861 г.).

78038 19 февраля 1896 г. исполнилось 35 лѣтъ со дня освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ. За этотъ же промежутокъ времени произошла крупная реформа и съ прочими рядами сельскаго населенія, всегда остававшимися свободными. Послѣдніе были переведены въ положеніе, которое было создано для освобожденныхъ крестьянъ. Больше четверти столѣтія масса сельскаго населенія живетъ подъ дѣйствіемъ многихъ общихъ постановленій. Между прочимъ же, считается, что она живетъ внѣ дѣйствія общихъ гражданскихъ законовъ и всецѣло подъ дѣйствіемъ обычаевъ. Каковы же на самомъ дѣлѣ предѣлы примѣненія обычаевъ въ крестьянской средѣ, и въ какомъ отношеніи стоитъ она къ общему гражданскому праву? Черезъ 35 лѣтъ вопросъ этотъ поставить тѣмъ, болѣе своевременно, что нынѣ составляетъ проектъ гражданскаго уложенія, и само собою является другой вопросъ, находящійся въ извѣстной связи съ первымъ: въ какомъ отношеніи должны находиться крестьяне къ будущему гражданскому кодексу, должны ли получить распространеніе и на нихъ новыя общія гражданскія законы, вырабатываемыя сообразно съ требованіями и условіями современнаго гражданскаго оборота и съ новѣйшимъ развитіемъ науки гражданскаго права?

ж. юрид. общ. кн. V 1896 г.

1

I.

Коль скоро, для опредѣленія предѣловъ дѣйствія обычнаго гражданскаго права, дѣлаются у насъ ссылки на законъ, то для подобныхъ ссылокъ избирается обыкновенно ст. 107 общаго положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Такъ поступилъ, напримѣръ, проф. Ренненкампфъ („Очерки юридической энциклопедіи“, стр. 78). Такъ точно сдѣлалъ покойный проф. Градовскій („Начала русскаго государственнаго права“, томъ I, стр. 18 и 141). Каково же содержаніе статьи 107, признаваемой разрѣшающею настоящій вопросъ? Она гласитъ буквально слѣдующее: „При разсмотрѣніи тяжёбнаго дѣла въ самомъ волостномъ судѣ, судьи, по выслушаніи тяжущихся сторонъ, стараются склонить ихъ къ примиренію. Если стороны примирились, то должны въ то же время объявить, что одна уступаетъ или чѣмъ вознаграждаетъ другую, и какимъ образомъ должно послѣдовать удовлетвореніе. Если тяжущіяся стороны не пойдутъ на мировую сдѣлку, то судъ рѣшить дѣло либо на основаніи заявленныхъ въ волостномъ правленіи сдѣлокъ и обязательствъ, если таковыя были заключены между спорящими сторонами, либо, при отсутствіи таковыхъ сдѣлокъ, на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и правилъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту“. Такимъ образомъ, ссылочная статья представляетъ собою судопроизводственный законъ,—относится къ *формальному* гражданскому праву. Но вопросъ о предѣлахъ дѣйствія обычая есть вопросъ *матеріальнаго* права. Право или обязанность руководствоваться закономъ или обычаемъ возлагаются на населеніе, на крестьянъ. Судъ или иныя установленія должны имѣть это въ виду и на этомъ основывать свои постановленія, выражено или не выражено это собственно въ относящихся до нихъ правилахъ. Объ этомъ здѣсь можетъ и не сказано вовсе. Суть дѣла отъ того не мѣняется ни мало. Когда же въ относящихся до суда или иныхъ учрежденій постановленіяхъ именно выражено, что они руководствуются обычаемъ при разрѣшеніи вопросовъ матеріальнаго права, то не иначе какъ въ смыслѣ

вывода изъ соотвѣтствующихъ матеріально-правовыхъ постановленій закона, предоставляющихъ населенію руководствоваться обычаями въ тѣхъ или иныхъ *опредѣленныхъ* отношеніяхъ. Какъ же, спрашивается теперь, можно розыскивать въ формальномъ правѣ разрѣшенія вопросовъ права матеріальнаго? Почтенные юристы не замѣтили явной несообразности, заключающейся въ ихъ ссылкѣ на ст. 107. Ссылка эта, однако, не только удовлетворяетъ ихъ, но оказывается достаточною даже для выводовъ о томъ, будто обычаи могутъ дѣйствовать среди крестьянъ только на гражданскія отношенія и что на эти отношенія они дѣйствуютъ уже . всецѣло и исключительно ¹⁾. Таковъ, по крайней мѣрѣ, смыслъ разсужденій А. Д. Градовскаго.—Проф. Пахманъ, внесшій своимъ трудомъ „Обычное гражданское право въ Россіи“ наиболѣе свѣта въ вопросъ объ обычаяхъ и съ особою осторожностію обобщавшій матеріалы, собранные по обычному праву, вовсе не вошелъ въ разсмотрѣніе законныхъ предѣловъ дѣйствія обычая на частныя отношенія крестьянъ; разсмотрѣвъ же обычаи, относящіеся ко всѣмъ частямъ граж-

¹⁾ Замѣтимъ, кстати, по поводу перваго вывода, что онъ совершенно неоснователенъ: обычаю предоставлено было дѣйствовать на отношенія освобожденныхъ крестьянъ не только въ области гражданскаго права (въ предѣлахъ ниже указываемыхъ), но и въ области государственнаго, финансоваго, полицейскаго, уголовнаго, процессуальнаго права (относительно опредѣленія личныхъ и общественныхъ правъ крестьянъ, устройства и порядка дѣйствія ихъ учреждений, вліянія помѣщика и пр.). На это у насъ вовсе не обращено вниманія. Между тѣмъ, весьма важный и общій вопросъ о томъ, какія юридическія нормы и въ области какихъ отношеній должны дѣйствовать среди государственнаго населенія—законъ или обычай—рѣшается неодинаково касательно частнаго и публичнаго права. Въ послѣднемъ дѣйствіе обычая менѣе допустимо. Въ то же время и предоставленіе дѣйствія обычаю на частныя отношенія получаетъ особое значеніе тогда, когда допущено дѣйствіе обычая и на публичныя отношенія.... Источникъ подобнаго явленія какъ бы представляется тогда болѣе мутнымъ.... Вопросъ о значеніи и предѣлахъ дѣйствія обычнаго и писаннаго гражданскаго права на крестьянскія отношенія точнѣе и правильнѣе всего и можетъ быть разрѣшенъ именно тогда, когда имѣется въ виду вообще дѣйствіе обычая среди крестьянъ. Этимъ мы и руководились въ настоящей попыткѣ разрѣшенія даннаго вопроса,—такъ какъ предлагаемая статья составляетъ часть болѣе обширнаго труда по разработкѣ обычнаго права.

данскаго права, съ своей стороны, произвелъ своими изысканіями такое впечатлѣніе, какъ будто обычаями могутъ опредѣляться всѣ частныя отношенія крестьянъ. Въ то же время существующія программы для собиранія свѣдѣній о народныхъ юридическихъ обычаяхъ, вовсе не ставя вопросовъ о предѣлахъ дѣйствія обычнаго права и объ условіяхъ пріобрѣтенія обычаями юридическаго значенія, стараются, касаясь, главнымъ образомъ, обычнаго гражданскаго права, обнять всѣ отношенія, входящія въ область этого права, и производятъ точно такое же впечатлѣніе ¹⁾. Признаніе меньшей широты дѣйствія обычая на гражданскія отношенія крестьянъ заключаетъ въ себѣ различныя отдѣльныя, встрѣчающіяся нерѣдко въ литературѣ, замѣчанія объ обычномъ правѣ крестьянъ. Въ этихъ замѣчаніяхъ всегда имѣется въ виду одно только обычное гражданское право, какъ якобы исполнѣ исключющее примѣненіе въ крестьянскомъ быту общихъ гражданскихъ законовъ ²⁾. Такъ полагала и ком-

¹⁾ При этомъ разумѣются: „Программа для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ“, изданная комиссіею собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ, состоящей при отдѣленіи этнографіи географическаго общества, Спб. 1889 г.,—и „Программа для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ“, составленная секретаремъ отдѣла этнографіи при обществѣ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи М. Н. Харузинымъ, Москва, 1887 г. Первую мы будемъ въ дальнѣйшемъ называть, для краткости, „программою географическаго общества“, вторую же—„программою г. Харузина“. Характеристикою въ особенности второй программы служить полное смѣшеніе права съ его нарушеніями.... какъ это и будетъ видно изъ приводимыхъ ниже вопросовъ, извлеченныхъ изъ программъ.

²⁾ Характерны новѣйшія замѣчанія по этому вопросу, сдѣланныя г. Леонтьевымъ въ ст. „Законъ и обычай въ гражданской практикѣ волостнаго суда“ (Журналъ Юридич. Общества, № 9 за 1894 г.): „Въ ученой юридической литературѣ—говоритъ онъ—никто не выражаетъ сомнѣнія въ томъ, что обычай долженъ, согласно общему положенію о крестьянахъ, быть единственнымъ источникомъ права въ волостномъ судѣ“.... Самъ авторъ высказываетъ вначалѣ не менѣ категорическое мнѣніе. „Ни одна статья тома X—замѣчаетъ онъ—не имѣетъ для волостнаго суда, учрежденнаго 19 февраля 1861 г., обязательнаго значенія“.... Но затѣмъ, въ концѣ концовъ, г. Леонтьевъ все же сознается, что „законодательство нигдѣ не говоритъ, что общіе гражданскіе законы необязательны для крестьянъ“, и—въ неопредѣленности возникающаго отсюда положенія онъ видитъ даже „одну изъ главнѣйшихъ язвъ крестьянской жизни“....

мисія по преобразованію волостныхъ судовъ, изслѣдовавшая положеніе послѣднихъ въ семидесятихъ годахъ и собравшая при этомъ обширный матеріалъ по обычному праву крестьянъ. Такой же характеръ имѣютъ сенатскія разъясненія. Изъ нѣсколькихъ рѣшеній перваго департамента г. Даниловъ выводитъ именно, что „волостной судъ руководствуется не общими законами, а общимъ положеніемъ, предоставляющимъ ему основывать свои рѣшенія на сдѣлкахъ, явленныхъ въ волостномъ правленіи, а при отсутствіи таковыхъ, на мѣстныхъ обычаяхъ и правилахъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту (ст. 107)“, и что въ частности, даже и „соблюденіе закона о земской давности необязательно для волостныхъ судовъ, рѣшающихъ дѣла на основаніи общаго положенія о крестьянахъ, а не общихъ гражданскихъ законовъ“ („Сборникъ рѣшеній за 1862—1879 г.г.“, стр. 115 и 146). Съ своей стороны, „Сельскій Вѣстникъ“, всецѣло придерживаясь господствующей практики, повторяетъ чуть не въ каждомъ №, что общіе гражданскіе законы для крестьянъ необязательны, что постановленія и о давности къ нимъ не примѣняются,—что они руководствуются въ гражданскихъ дѣлахъ мѣстными обычаями и пр.

Во временныхъ правилахъ о волостномъ судѣ 12 іюля 1889 г. статья 107-ой общаго положенія соотвѣтствуетъ ст. 25: „Волостной судъ рѣшаетъ дѣла по совѣсти, на основаніи имѣющихся въ дѣлѣ доказательствъ. При разрѣшеніи тяжбъ и споровъ между крестьянами, въ особенности же дѣлъ о раздѣлѣ крестьянскаго наслѣдства, судъ руководствуется мѣстными обычаями“. Въ свою очередь, статья эта подала поводъ для заключеній не менѣе широкихъ въ новыхъ административно-судебныхъ установленіяхъ,—согласно съ существомъ реформы 12 іюля 1889 г., стремящейся излечить деревенскія неурядицы не законностію, а „властною рукою“ (для которой обычай представляетъ, конечно, больше простора). Въ № 43 „Юридической Газеты“ за 1894 г., г. Морозовъ сообщалъ, что въ рязанской губерніи татары, основываясь на ст. 1338 т. X ч. I законовъ гражданскихъ,

тщетно добиваются разрѣшенія ихъ наслѣдственныхъ дѣлъ по „Шаріату“. Губернское присутствіе отвергло обязательность для волостныхъ судовъ руководствоваться „Шаріатомъ“, не смотря на существованіе сенатскихъ указовъ, разрѣшающихъ настоящей вопросъ въ положительномъ смыслѣ и для прежняго волостнаго суда, отличавшагося и бѣльшею простотою, и обладавшаго менѣе обширною подсудностію и подвѣдомственностію. Изъ другой замѣтки г. Морозова (№ 28 „Юридич. Газеты“ за 1892 г.), мы узнаемъ, что вообще нѣкоторыя губернскія присутствія прямо и безусловно „отмѣняютъ рѣшенія волостныхъ судовъ, разъ въ нихъ сдѣлана ссылка на какую либо статью т. X ч. I зак. гражд. или другой какой либо законъ, ограждающій права тяжущейся стороны“. Они требуютъ примѣненія „одной только ст. 25 врем. правилъ о вол. судѣ“.... Все же, однако, практика губернскихъ присутствій въ этомъ отношеніи неодинакова. Поэтому, г. Морозовъ высказывается за необходимость *скорѣйшаго* разъясненія вопроса, — „дѣйствуетъ ли томъ X часть 1 законовъ гражд. въ волостныхъ судахъ или нѣтъ“... Да, какъ это ни странно, но и черезъ тридцать пять лѣтъ по освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ, вопросъ столь важный, основной, не получилъ разрѣшенія. Приходится даже цѣнить и изрѣдка высказывающіяся чрезвычайно робкія сомнѣнія въ томъ, дѣйствительно ли законы гражданскіе для крестьянъ не писаны, и вѣрно ли господствующее мнѣніе....

Мнѣніе это положительно невѣрно, и даже не можетъ быть вѣрно.

II.

Освобожденные помѣщичьи крестьяне не могли не получить хотя нѣкоторыхъ правъ, основанныхъ на общихъ законахъ гражданскихъ. Обладаніе этими правами имѣло огромное значеніе для личности. Имѣть право, основанное на гражданскихъ законахъ, значитъ имѣть одно изъ *правъ личности*, — одно изъ тѣхъ правъ, къ числу которыхъ относится личная свобода. Относительно того, кто имѣетъ право,

основанное на гражданскихъ законахъ, само собою подразумѣвается, что ему принадлежитъ и право личной свободы, такъ какъ въ сущности безъ личной свободы немислимо и обладаніе какими либо гражданскими правами,—немислимо быть субъектомъ гражданского права, будучи объектомъ этого права для другого, и рабъ не былъ субъектомъ какихъ либо правъ. Въ Малороссіи, „посполитый“,—человѣкъ съ характеромъ несвободнаго состоянія, въ послѣдствіи и закрѣпощенный,—превращался въ „казака“,—человѣка совершенно свободнаго,—черезъ одну покупку казацкой земли (Сергѣевичъ—„Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права“, 620). Въ Англіи, во время господства крѣпостной зависимости, заключеніе господиномъ формальнаго о чемъ либо гражданского договора съ своимъ крестьяниномъ или предъявленіе господиномъ гражданского иска къ крестьянину подавало судебнымъ мѣстамъ поводъ видѣть въ этомъ признаніе самостоятельности крестьянина и объявлять его свободнымъ (статья г. Шульца о сельскихъ рабочихъ въ Англіи въ „Современникѣ“ за 1858 г.). Въ нынѣшнихъ губерніяхъ Царства Польскаго, когда Наполеонъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, образовалъ изъ нихъ герцогство Варшавское и распространилъ на все населеніе дѣйствіе французскаго гражданского кодекса,—крестьяне пріобрѣли личную свободу послѣ многолѣтняго угнетенія только черезъ это подчиненіе ихъ общимъ гражданскимъ законамъ и пріобрѣтеніе общихъ гражданскихъ правъ (ст. Карновича о крѣпостномъ правѣ въ Польшѣ—въ „Современникѣ“ за 1858 г.). Отсюда и та буря, которую подняли крѣпостники противъ Сперанскаго, когда явилось предположеніе, что при составленіи гражданского уложенія онъ сдѣлалъ большія заимствованія изъ французскаго гражданского кодекса ¹⁾. Отъ недостатка общихъ

¹⁾ „Кстати-ли, напримѣръ, начинать русское уложеніе главою о правахъ гражданскихъ, коихъ въ истинномъ смыслѣ и не бывало и нѣтъ въ Россіи?—говорилъ между прочимъ Карамзинъ.—У насъ только политическія или особенныя права разныхъ государственныхъ состояній; у насъ—дворяне, купцы, мѣщане, земледѣльцы и пр. Всѣ они имѣютъ особенныя права: *общаго нѣтъ*, кромѣ названія русскихъ“ (Корфъ,—„Жизнь гр. Сперанскаго“, 162).

гражданскихъ правъ и страдали, между прочимъ, крѣпостные крестьяне. Заблоцкій-Десятовскій рассказываетъ (Заблоцкій-Десятовскій—„Графъ Киселевъ и его время“, т. IV, 317): „Недавно здѣсь, въ Петербургѣ, ярославскіе крестьяне, торгуя въ столицѣ, вздумали дѣлиться, и не согласясь, пришли судиться къ госпожѣ. Помѣщица добрая, и не хочетъ взять ничего на свою совѣсть. „Я бы очень рада была, говоритъ она, чтобы дѣло это разбирали въ судебномъ мѣстѣ. Но на крестьянъ нашихъ сводъ законовъ не распространяется, и ни въ какомъ судѣ ихъ не станутъ судить“. Странное положеніе дѣлъ—заключаетъ свой рассказъ Заблоцкій-Десятовскій—полгосударства по закону изъято отъ покровительства законовъ“.... При такихъ условіяхъ, объ освобожденіи крестьянъ правильно говорилось иногда, какъ о дарованіи имъ гражданскихъ правъ. То и другое было равнозначуще. Какимъ же образомъ освобожденные крестьяне могли быть изъяты отъ дѣйствія общихъ гражданскихъ законовъ?

Ничего подобнаго и не предполагалось редакціонными комиссіями, составлявшими положенія о крестьянахъ, выходившихъ изъ крѣпостной зависимости. Ничего подобнаго и не могло предполагаться, и не было установлено. Вотъ какую именно постановку и при какихъ обстоятельствахъ получилъ вопросъ объ обычаяхъ вообще и объ обычномъ гражданскомъ правѣ въ частности въ редакціонныхъ комиссіяхъ (къ работамъ которыхъ въ ихъ источникѣ у насъ почти во все не обращаются при разсужденіяхъ по настоящему предмету, хотя имъ должно принадлежать весьма важное значеніе въ этомъ отношеніи).

Прежде всего, существенно принять во вниманіе, что какъ допущеніе дѣйствія обычая на отношенія освобождавшихся крестьянъ, такъ и неопредѣленность сдѣланныхъ тогда постановленій по вопросу объ обычаяхъ и о предѣлахъ его дѣйствія возникли: 1) изъ домогательствъ губернскихъ дворянскихъ комитетовъ и депутатовъ отъ нихъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ и 2) изъ той слабости отпора, которую выказывали обыкновенно сами редакціонныя комиссіи по-

мѣщичьимъ притязаніямъ, и изъ склонности уступать, гдѣ только было можно, которую онѣ обнаруживали, будучи иногда не въ силахъ противостоятъ крѣпостническимъ вліяніямъ, пользовавшимся въ то время всѣми возможными способами для ослабленія дѣятельности комиссій ¹⁾.....

Юридическое отдѣленіе редакціонныхъ комиссій, оцѣнивая предположенія губернскихъ комитетовъ и замѣчанія депутатовъ отъ нихъ на его докладъ о правахъ крестьянъ личныхъ и семейственныхъ, нашло (Матеріалы редакціонныхъ комиссій, часть XII, изд. 1, стр. 7), что „сущность“ сдѣланныхъ предположеній и замѣчаній состоитъ въ томъ,— „во-первыхъ, что въ положеніи о крестьянахъ не слѣдуетъ подробно исчислять предоставляемые послѣднимъ по Своду Законовъ личныя и семейственныя права и, во-вторыхъ, что крестьянамъ надлежитъ предоставлять руководствоваться въ семъ отношеніи и существующими законами, и мѣстными обычаями“..... Какими „обычаями“? Очевидно, обычаями, развившимися и дѣйствовавшими при существованіи крѣпостной зависимости..... Приблизительно съ такими же въ ихъ „сущности“ желаніями губернскихъ комитетовъ и депутатовъ отъ нихъ встрѣтились и другія отдѣленія редакціонныхъ комиссій.—Съ тѣмъ же вмѣстѣ представителями губернскихъ комитетовъ сдѣланы были возраженія и противъ прямого перечисленія въ новомъ положеніи о крестьянахъ всѣхъ тѣхъ статей закона, которыя предоставляли помѣщику право развивать обычные порядки среди своихъ крестьянъ и которыя отмѣнялись съ освобожденіемъ..... Они находили, что перечисленіе этихъ статей составило бы „упрекъ прошедшему“... и почитали достаточнымъ одно общее упоминаніе объ отмѣнѣ крѣпостной зависимости и соединенныхъ съ нею правъ (тамъ же, стр. 4).

Очень понятно, что такова была „сущность“ помѣщичьихъ притязаній. Помѣщикамъ былъ ненавистенъ законъ

¹⁾ О крѣпостническихъ стремленіяхъ, проявлявшихся въ то время, см. въ статьѣ нашей „Юридическое положеніе крестьянъ“, напечатанной въ №№ 2 и 4 „Сѣвернаго Вѣстника“ за 1889 г.

и—выгоденъ обычай. На обычаѣ основывали они, главнымъ образомъ, власть свою надъ крестьянами и имъ руководились во всѣхъ ея проявленіяхъ; законъ же, до тѣхъ поръ вносившій частныя ограниченія въ область примѣненія этой обычной власти, грозилъ нынѣ и вполне замѣнить ее для крѣпостныхъ крестьянъ ¹⁾. Чѣмъ точнѣе законъ отмѣнилъ бы прежнія права помѣщиковъ, тѣмъ меньше мѣста осталось бы для помѣщичьихъ притязаній въ послѣдствіи, и наоборотъ; чѣмъ большее значеніе долженъ былъ получить законъ для освобожденныхъ крестьянъ, и чѣмъ меньшее—обычай,—тѣмъ прочнѣе должно было быть положеніе крестьянъ и тѣмъ ограниченнѣе—послѣдующее вліяніе помѣщика на крестьянскія отношенія. *Истинная сущность* домогательствъ губернскихъ комитетовъ и депутатовъ отъ нихъ была очевидна. Редакціоннымъ комисіямъ и надлежало именно здѣсь дать особо рѣшительный отпоръ помѣщичьимъ притязаніямъ. Однако, возраженія ихъ не обнаружили достаточной силы.....

Въ видѣ характеристики, можно привести возраженіе юридическаго же отдѣленія на „сущность“ изложенныхъ замѣчаній на его докладъ. По первому пункту названное отдѣленіе именно высказало (ч. XII, стр. 7—9): „По Выс. утвержденному 4 декабря 1858 г. журналу горнаго комитета по крестьянскому дѣлу, помѣщичьимъ крестьянамъ должны быть предоставлены всѣ права свободныхъ сельскихъ обывателей, личныя, по имуществу и по праву жалобы. Посему, для точнѣйшаго опредѣленія сихъ правъ, исчислены въ заключеніи доклада, въ видѣ справки по Своду Законовъ, личныя и семейственныя права свободныхъ сельскихъ обывателей. Но при этомъ общее присутствіе редакціонныхъ комисій вовсе не предполагало переносить, при окончательной кодификаціи, въ положеніе о крестьянахъ всѣ статьи Свода Законовъ о личныхъ и семейственныхъ правахъ освобождаемыхъ крестьянъ. Это, очевидно, послужило бы къ бесполезному усложненію

¹⁾ См. объ этомъ въ статьѣ нашей—„Закрѣпленіе и освобожденіе крестьянъ“, напечатанной въ №№ 5 и 6 „Наблюдателя“ за 1895 г.

положенія повтореніємъ въ ономъ множествѣ статей изъ томовъ IX и X Свода Законовъ. Отдѣленіе признаетъ вполне достаточнымъ, изложивъ кратко тѣ главныя права лицъ свободныхъ податныхъ состояній, которыя предоставляются крестьянамъ, выходящимъ изъ крѣпостной зависимости, подробно исчислить въ положеніи тѣ только постановленія, которыми установлены будутъ особыя изъятія изъ общихъ законовъ, доколь они будутъ оставаться въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ“..... Затѣмъ, по второму пункту замѣчаній со стороны членовъ губернскихъ комитетовъ—о предоставленіи освобожденнымъ крестьянамъ руководствоваться въ области личныхъ и семейственныхъ отношеній и законами, и мѣстными обычаями—юридическое отдѣленіе также уступчиво высказало: „Крестьяне, въ домашнемъ своемъ быту, преимущественно руководствуются мѣстными обычаями. Посему, было бы и неудобно, и бесполезно безусловно отрицать обычаи и противодѣйствовать крестьянамъ руководствоваться тѣмъ обычнымъ порядкомъ, который, вслѣдствіе постояннаго примѣненія въ повседневномъ ихъ быту, получилъ юридическое значеніе въ народной жизни. На семъ основаніи общее присутствіе редакціонныхъ комисій, во многихъ положительно случаяхъ, предоставляетъ крестьянамъ руководствоваться мѣстными своими обычаями,—такъ, напримѣръ, по дѣламъ о наслѣдствѣ, раздѣлѣ имущества, объ опекахъ и пр.“.... Отдѣленіе не упоминало, что соотвѣтствующія постановленія общаго присутствія, касавшіяся, впрочемъ, не „многихъ положительно случаевъ“ изъ области собственно гражданскаго права, вызваны были именно предложеніями губернскихъ комитетовъ (Матеріалы, томъ II, книга 1, изд. 2, стр. 326, 328, 334, 335, 337 и пр.; т. II, кн. 1, изд. 2, стр. 28, 57 и пр. и пр.); оно забывало также, что рѣчь шла объ обычаяхъ, создавшихся при существованіи крѣпостной зависимости, каковыя обычаи не могли имѣть тогда „юридическаго значенія для народной жизни“, ибо крестьяне, если бы подобныя обычаи и были благопріятны для ихъ интересовъ, не могли бы, однако, опираться на нихъ, требовать къ нимъ

уваженія со стороны помѣщиковъ; помѣщики же не могли бы желать ими руководствоваться и вообще допускать ограниченія ихъ власти какою либо правовою нормою (и дѣлали недѣйствительными—мертвою буквою—даже и законы, издававшіеся все же время отъ времени, въ огражденіе крестьянъ)¹⁾...— „Но съ другой стороны—сочло, однако, нужнымъ высказать отдѣленіе, хотя односторонне, усматривая опасность тамъ, откуда она угрожала наименѣе (со стороны самихъ крестьянъ),—нельзя безусловно сопоставлять обычное право съ дѣйствующими законами. Обычаи не имѣютъ, да по свойству своему и не могутъ имѣть обязательной силы закона, и потому, предоставленіе крестьянамъ права руководствоваться, по своему усмотрѣнію, обычаями и законами—открыло бы широкій просторъ произволу подчиняться или не подчиняться дѣйствию положительныхъ и для всѣхъ членовъ государства обязательныхъ законовъ“... Отдѣленіе упускало, такимъ образомъ, изъ вида самое важное,—что подобное положеніе было бы не только противно общему государственному порядку, но существенно угрожало бы и новымъ правамъ крестьянъ, такъ какъ неопредѣленность правъ исключаетъ или, по меньшей мѣрѣ, крайне затрудняетъ возможность требовать къ нимъ уваженія со стороны всѣхъ и каждого, и защищать въ случаѣ нарушенія, и что къ правамъ, основываемымъ на обычаяхъ и не имѣющимъ общеобязательной силы, именно невозможно требовать уваженія со стороны, внѣ крестьянской среды, и защита ихъ даже противъ нарушеній представителями той же среды возможна лишь чрезъ посредство собственныхъ словныхъ установленій и крайне затруднительна чрезъ посредство всякихъ иныхъ властей...

Но какъ ни слабо вышло это возраженіе, однако, оно

¹⁾ В. И. Семевскій дѣлаетъ, между прочимъ, любопытное указаніе, что помѣщики, жившіе въ своихъ имѣніяхъ, не любили издавать для крестьянъ даже свои собственные инструкціи и предпочитали „рѣшать судьбу крестьянина въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ“, безъ всякихъ предустановленныхъ основаній, ибо и собственные инструкціи стѣсняли бы ихъ... („Крестьяне въ царствованіе Екатерины II“, стр. 175).

совершенно ясно показываетъ, что составлявшееся положеніе не предназначалось для того, чтобы стать единственнымъ и исключительнымъ закономъ для освобожденныхъ (какъ утверждалъ въ послѣдствіи г. Даниловъ на основаніи нѣкоторыхъ сенатскихъ разъясненій, не допускавшихъ, впрочемъ, подобнаго обобщенія); что для нихъ должны были получить силу и прочіе законы; что не перечислялись въ положеніи всѣ статьи о правахъ освобождавшихся крестьянъ по томамъ IX и X Свода Законовъ не потому, что статьи эти не получали никакого значенія для нихъ, а вслѣдствіе только того, что сочтено было излишнимъ ихъ повторять, по соображеніямъ чисто-кодификаціоннаго свойства; что, согласно съ существомъ реформы, отмѣнявшей обычныя права помѣщиковъ и измѣнявшей обычное состояніе крѣпостныхъ крестьянъ на состояніе законное, отнынѣ обычай долженъ былъ дѣйствовать на отношенія освобожденныхъ крестьянъ не по общему правилу, а *въ видѣ изъятія*, и, слѣдовательно, именно на *опредѣленные* отношенія, съ подчиненіемъ всѣхъ прочихъ—закону, *по общему правилу*; что, наконецъ, и число этихъ изъятій должно было уменьшиться съ переходомъ освобожденныхъ крестьянъ на выкупъ и съ прекращеніемъ *временно-обязанныхъ* отношеній.

При всемъ же томъ, до извѣстной степени согласившись на домогательства членовъ губернскихъ комитетовъ, не желавшихъ, чтобы въ положеніяхъ объ освобождавшихся крестьянахъ перечислялись предоставляемые послѣднимъ права по своду законовъ, юридическое отдѣленіе редакціонныхъ комиссій ввело, однако, въ проектъ нѣкоторыя ссылки на законы, которыми опредѣляются эти права, и съ тѣми же началами проектъ общаго положенія былъ утвержденъ въ послѣдствіи. Обратившись же къ этимъ ссылкамъ, прямо распространившимъ на освобожденныхъ крестьянъ дѣйствіе многихъ постановленій законовъ гражданскихъ, мы увидимъ, что это было неизбѣжно не только по указанной выше, такъ сказать, теоретической, но и по совершенно настоятельной жизненной практической необходимости.

III.

Такимъ образомъ, прежде всего, не далѣе какъ во второй статьѣ общаго положенія, выражено было важнѣйшее правило о томъ, что—„крестьянамъ и дворовымъ людямъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости, предоставляются права свободныхъ сельскихъ обывателей, какъ личныя *такъ и по имуществу*“. Но быть можетъ, тогдашніе свободные сельскіе обыватели, государственные крестьяне, были изъяты отъ дѣйствія тома X ч. 1-ой? Ничуть не бывало. Они были равноправны съ прочими членами русскаго общества,—обладали общими съ прочими сословіями гражданскими правами. Въ ихъ составъ вступали дѣти личныхъ дворянъ, имѣвшія право на потомственное почетное гражданство, и лица, получившія по чинамъ личное почетное гражданство (ст. 619 т. IX свода законовъ, изд. 1857 г.). Въ составъ государственныхъ крестьянъ находились также потомки низшихъ служилыхъ дворянскихъ родовъ, панцырные бояре и однодворцы, изъ которыхъ послѣдніе владѣли даже крѣпостными (отсюда крѣпостные однодворческіе крестьяне). Вступленіе же въ разрядъ государственныхъ крестьянъ для лицъ высшихъ сословій было бы, конечно, невозможно, еслибы оно сопровождалось ограниченіемъ общихъ или особенныхъ правъ состоянія этихъ лицъ. Равенство свободныхъ сельскихъ обывателей съ прочими гражданами въ области общихъ правъ состоянія и выражалось въ прямомъ и совершенно ясно под-разумѣвавшемся всегда распространеніи на нихъ силы общихъ гражданскихъ законовъ. Допускались лишь нѣкоторые изъятія,—вродѣ предоставленія руководствоваться и общими законами, и мѣстными обычаями въ наслѣдованіи послѣ домохозяина, владѣвшаго семейнымъ участкомъ (ст. 116 т. XII, ч. 2, уставъ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ, изд. 1857 г.). За этою же и нѣкоторыми другими незначительными особенностями, въ законѣ было выражено положительно: „Сельскіе обыватели имѣютъ право вступать во всѣ обязательства какъ по пріобрѣтенію и передачѣ своей частной собственности, такъ и по прочимъ договорамъ, на основаніи

общихъ гражданскихъ законовъ“ (ст. 660 т. IX, изд. 1857 г.). Такое постановленіе состоялось еще 20 ноября 1825 г., въ отмѣну ограниченій, установившихся въ XVIII вѣкѣ. Затѣмъ, согласно съ нимъ, ст. 921 т. X ч. 2, изд. 1857 г. постановляла: „Общія судебныя мѣста разбираютъ споры и тяжбы между государственными крестьянами на основаніи общихъ узаконеній“. Конечно, руководство общими гражданскими законами не могло быть на практикѣ строго вмѣнено въ обязанность существовавшимъ тогда среди государственныхъ крестьянъ двумъ инстанціямъ собственнаго суда, волостнымъ и сельскимъ расправамъ,—тѣмъ болѣе, что онѣ дѣйствовали, главнымъ образомъ, въ порядкѣ примиренія, составляли родъ третейскаго суда. Но оно, однако, и тутъ подразумѣвалось совершенно ясно, въ видѣ общаго правила, за нѣкоторыми исполнѣ точными и опредѣленными исключеніями въ пользу мѣстныхъ обычаевъ. При всемъ же томъ, изъ числа гражданскихъ дѣлъ расправы вѣдали лишь самыя незначительныя дѣла, а именно, дѣла до пятнадцати руб.; всѣ прочія дѣла подлежали разбору общихъ судебныхъ мѣстъ, на основаніи общихъ узаконеній (ст. 321 и 322 т. XII, ч. 2, уст. о благоустр.).

Таковъ былъ несомнѣнный общій смыслъ распространенія на освобождавшихся крестьянъ статьею 2-ою общаго положенія „правъ свободныхъ сельскихъ обывателей какъ личныхъ, такъ и по имуществу“. Но этимъ постановленіемъ, вопреки помѣщичьимъ притязаніямъ, редакціонныя коммисіи не могли ограничиться и не ограничились. Нужно было указать на нѣкоторыя хотя бы существеннѣйшія или по ихъ выраженію, „главныя“ личныя и имущественныя права, переходившія на крестьянъ,—указать, прямо въ ихъ конкретномъ выраженіи, для большей ясности и вразумительности и въ видахъ предоставленія болѣе твердой опоры юридическому сознанію освобожденныхъ крестьянъ. Въ законоположеніяхъ 19 февраля 1861 г. и былъ сдѣланъ цѣлый рядъ такихъ совершенно ясныхъ указаній.

Такъ въ ст. 21 общаго положенія положительно гово-

рилось: „На крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, распространяются *общія постановленія законовъ гражданскихъ* о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ“. То есть, на нихъ распространялась прямо вся книга первая тома X, ч. 1-ой законовъ гражданскихъ. Таковъ буквальный, несомнѣнный смыслъ ст. 21. Нѣкоторыя постановленія этой книги имѣли силу относительно крѣпостныхъ крестьянъ и ранѣе. Такъ браки среди нихъ должны были, безъ сомнѣнія, отвѣчать всегда общимъ условіямъ дѣйствительности и законности, коренящимся въ церковныхъ и государственныхъ постановленіяхъ. Но нынѣ на освобожденныхъ крестьянъ перенесена была точно и прямо сила *всѣхъ* постановленій книги первой части 1-ой тома X законовъ гражданскихъ. Отсюда же слѣдуетъ цѣлый рядъ выводовъ весьма существенныхъ и для нынѣшней жизни бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Если же принять во вниманіе, что въ первые два года по обнародованіи положеній 19 февраля 1861 г., помѣщики сохраняли многія права, въ особенности надъ дворовыми людьми, и впредь до образованія волостей и сельскихъ обществъ, въ немъ сосредоточивалась значительная доля управления освобождавшимися крестьянами, то понятно, что еще большее значеніе имѣло для первыхъ шаговъ освобожденнаго крестьянства, прямое и точное упоминаніе въ общемъ положеніи о распространеніи на него указываемыхъ постановленій. Значеніе это поясняется во второй части ст. 21. „На семъ основаніи, говорится въ ней, для вступленія крестьянъ въ бракъ и распоряженія въ ихъ семейныхъ дѣлахъ, не требуется дозволенія помѣщиковъ“. Ст. 21 явно рассчитана на то, что бы разомъ и окончательно устранить вмѣшательство помѣщиковъ въ брачныя дѣла освобожденныхъ крестьянъ. Откуда же такая, казалось бы, излишняя предусмотрительность со стороны закона?

Дѣло въ томъ, что вмѣшательство помѣщиковъ въ брачныя дѣла крѣпостныхъ крестьянъ и присвоеніе ими весьма широкихъ „обычныхъ правъ“ въ области ихъ семейныхъ отношеній были крайне развиты при существованіи крѣпост-

78038
ной зависимости. Еще Петръ I долженъ былъ издать законъ, воспрещавшій помѣщикамъ принуждать людей своихъ къ браку, выбирать жениховъ невѣстамъ и невѣстамъ жениховъ. Запрещеніе это не было, впрочемъ, новымъ. Оно содержалось въ церковныхъ законахъ. „Но, замѣчаетъ по этому поводу г. Побѣдоносцевъ („Историческія статьи и изслѣдованія“, 167),—произвольной власти не трудно было превратить въ обычай нарушеніе древнихъ уставовъ“. „Помѣщикъ—говорить о томъ же г. Семеvскій („Крестьяне въ царствованіе Екатерины II“, 270)—по достиженіи молодыми людьми извѣстнаго возраста, то соединялъ пары по своему усмотрѣнію, то предоставлялъ это крестьянскому сходу“. „Землевладѣльцы въ Россіи—приводитъ онъ также замѣчаніе Сиверса (276)—обыкновенно принуждаютъ къ браку молодыхъ людей, и дѣлаютъ это для того, чтобы имѣть лишнюю пару, то есть, новое тягло, на которое можно еще наложить работу или оброкъ“. Такъ было до самаго освобожденія. А, 3-ій—Д-ій рассказываетъ („Гр. Кисилевъ и его время“ Заблоцкаго Десятовскаго, т. IV, 305): „У одного крестьянина, въ рязанской губерніи, мы спросили: какъ у васъ женятся? Между собою, какъ хотимъ, баринъ не мѣшается. Но ежели дѣвку отдаютъ на сторону, то баринъ беретъ 100 руб. У другихъ же такъ вѣнчаютъ насильно. Баринъ спрашиваетъ попа, станеть ли вѣнчать? Если попъ согласенъ, то отца съ матерью не спрашиваютъ“. Послѣднія слова замѣчательны тѣмъ—говорить 3-ій—Д-ій—что они показываютъ отсутствіе въ народѣ понятія о необходимости взаимнаго согласія вступающихъ въ бракъ. Это подтверждаетъ обычай, существующій, напр., въ калужской губ.: отцы продаютъ женихамъ дочерей, хочетъ ли дѣвка идти замужъ или нѣтъ.—Весьма любопытно, что при самой выработкѣ положеній 19 февраля, костромской губернской комитетъ предлагалъ и на будущее время предоставить сельской расправѣ право „въ видахъ нравственнаго обоброченія (?), взыскивать, по мірскому приговору, за уклоненіе отъ брака, съ дѣвокъ, молодыхъ, бездѣтныхъ вдовъ и мужчинъ отъ 3 до 10 руб. ежегодной платы въ мірской ка-

питаль“ („Матеріалы“, т. I, кн. 2, изд. 2, 1146). Отсюда же возникли обычаи раннихъ браковъ. Будучи очень древними, они особенно поддерживались помѣщиками. Здѣсь же, очевидно коренится воспрещеніе семейныхъ раздѣловъ со всѣми его крайне стѣснительными послѣдствіями для личности, съ деспотизмомъ главы семейства, съ приниженностію положенія женщины, съ адомъ подневольной совмѣстной жизни и различными вредными нравственными вліяніями: хозяйственные выгоды болѣе обезпечивала большая семья и нерушимость такихъ семей не могла не поддерживаться ¹⁾... Помимо же принужденія къ браку, помѣщики нерѣдко нарушали супружескія права своихъ крестьянъ ²⁾...

¹⁾ „Въ селѣ Зубриловкѣ (рязанской губ.)—разсказываетъ 3-ій—Д-ій (306)—мы остановились у одного изъ зажиточнѣйшихъ домохозяевъ. Онъ хвалился намъ, что у него въ одной избѣ живутъ пять женатыхъ сыновей, а вся семья состоитъ изъ 27 человекъ. Какъ же вы спите всѣ вмѣстѣ? Да что жъ никто никому не мѣшаетъ. Мы со старухой взберемся на палаты; бабы молодыя улягутся вдоль стѣны на лавкахъ; каждый мужъ приставитъ къ женѣ скамейку; и спать. Парнишки и дѣвченки лягутъ на полу, или, гдѣ случится, промежъ женатыхъ.—Въ другомъ мѣстѣ, въ рязанской же губерніи, въ разговорѣ съ везшимъ насъ крестьяниномъ г. Лихарева, мы спросили: дозволяетъ ли баринъ дѣлиться?—Не дозволяетъ! Есть семьи душъ по 40.—И живутъ всѣ вмѣстѣ?—Всѣ вмѣстѣ.—Да какъ же это? Вѣдь, у васъ и женатые, и дѣвки, и парни молодые!—Такъ чтожъ, баринъ, наше дѣло крестьянское. Мы этого не разбираемъ. И братья и невѣстки всѣ свой народъ. Чего же имъ стыдиться!—Вотъ любопытная простота нравовъ—заключаетъ свой разсказъ изслѣдователь—о которой толкуютъ противники образованія народа, гасители всякой мысли объ улучшеніи!—Поощрять, принуждать къ бракамъ, и въ то же время не позволять дѣлиться крестьянамъ, заводить своимъ домомъ, своимъ хозяйствомъ, значить смотрѣть на человека, какъ на совершеннаго скота. Въ этомъ отношеніи положеніе крестьянъ нашихъ ничѣмъ не отличается отъ положенія негровъ-рабовъ, которыхъ нарочно запираютъ на ночь въ одинъ сарай, чтобы они плодились“...

²⁾ Семевскій передаетъ цѣлый рядъ фактовъ этого рода („Крестьяне при Екатеринѣ II“, 284—286), сопоставляя ихъ съ обычаями средне-вѣковыхъ бароновъ: „Нѣкоторые—говоритъ онъ—устраивали въ своихъ имѣніяхъ особую барщину для женщинъ... У одного помѣщика, Бахметева, въ деревнѣ былъ по ночамъ бабій караулъ: поочередно, каждую ночь, наряжали, двухъ бабъ караулить село и барскія хоромы; одна баба ходила съ трещеткой около дома и стучала въ доску, а другая должна была ночевать въ домѣ... У другаго казанскаго помѣщика, Есипова, даже и гости угощались лобзаніями крѣпостныхъ артистокъ... Иногда все женское населеніе какой нибудь вотчины растѣввалось для удовлетворенія необуз-

Какимъ же образомъ можно было не упомянуть прямо въ Общемъ Положеніи, что, съ момента выхода изъ крѣпостной зависимости, на освобожденныхъ крестьянъ распространяются общія постановленія о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ? Значеніе прямаго распространенія на освобожденныхъ крестьянъ книги первой ч. 1-ой тома X законовъ гражданскихъ существенно было притомъ не въ отношеніи только огражденія ихъ отъ помѣщичьихъ притязаній,

данныхъ прихотей барина... Въ XIX вѣкѣ, у нѣкоторыхъ помѣщиковъ были цѣлыя гаремы, какъ, напр., у извѣстнаго генерала Измайлова. Не довольствуясь тѣмъ, что самъ изнасиловалъ множество дѣвушекъ, онъ любезно угощалъ ими и своихъ гостей, причемъ для болѣе важныхъ или пріѣхавшихъ въ первый разъ выбирались невинныя, хотя бы имъ было 12 лѣтъ отъ роду. Измайловъ былъ далеко не единственнымъ въ своемъ родѣ... Въ саратовской губерніи, уже незадолго передъ крестьянской реформой, въ имѣніи у одного помѣщика, десятникъ каждый вечеръ приказывалъ тому или другому мужику посылать къ барину свою дочь или жену. Двѣ дѣвушки не захотѣли повиноваться приказу: одна утопилась, другую баринъ такъ избилъ палкою, что она умерла черезъ двѣ недѣли... Другой помѣщикъ той же губерніи не жилъ постоянно въ своей вотчинѣ, а пріѣзжалъ каждое лѣто на нѣсколько недѣль. Въ дѣнь пріѣзда управляющій подносилъ барину списокъ всѣхъ подросшихъ дѣвушекъ, и тотъ бралъ къ себѣ каждую дня на три, на четыре. Когда запасъ истощался, онъ уѣзжалъ въ другія деревни и вновь пріѣзжалъ на слѣдующій годъ"... Къ этимъ разсказамъ г. Романовичъ-Славатинскій прибавляетъ („Дворянство въ Россіи“, 314): „одной изъ весьма нерѣдкихъ причинъ угнетенія крестьянъ помѣщиками было покушеніе послѣднихъ на женъ и дочерей своихъ крѣпостныхъ. Смѣлые мужья и отцы подвергались гоненіямъ, податливые — дѣлались фаворитами. Тайный совѣтникъ Жадовскій, помѣщикъ оренбургской губ., по произведенному надъ нимъ въ 1855 г. слѣдствію, оказался виновнымъ въ растлѣніи многихъ своихъ дѣвокъ, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ, за несогласіе на прелюбодѣяніе, наказывались розгами. Онъ установилъ въ своемъ имѣніи нѣчто вродѣ *jus primae noctis*—позволялъ жениться на своихъ крѣпостныхъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы первая ночь принадлежала барину. Одного мужа, не исполнившаго этого условія, онъ отдалъ въ солдаты"... Къ новѣйшему времени уже относятся слѣдующія слова З-аго—Д-аго (322): „Въ каждой губерніи, въ каждомъ почти уѣздѣ укажутъ вамъ примѣры предосудительнаго поведенія помѣщиковъ. Сущность всѣхъ этихъ дѣлъ одинакова: развратъ, соединенный съ большимъ или меньшимъ насиліемъ. Подробности чрезвычайно разнообразны. Иной помѣщикъ заставляетъ удовлетворять свои скотскія побужденія просто силою власти, и не видя предѣла, доходитъ до неистовства, насилуя малолѣтнихъ дѣтей, какъ наримѣръ, помѣщикъ В—въ можайскаго уѣзда московской губерніи; другой пріѣзжаетъ въ деревню временно, повеселиться съ пріятелями, и предварительно поить крестьяночекъ, и потомъ заставляетъ удовлетворять собственныя свои скотскія страсти и своихъ пріятелей“...

возможныхъ въ особенности въ первые два года послѣ реформы, когда еще весьма много узъ соединяло крестьянъ съ ихъ бывшими помѣщиками. Такимъ путемъ преграждалось дѣйствіе и многихъ обычаевъ, корни которыхъ заключаются въ только что, ради выясненія этого, съ нѣкоторыми подробностями, описанныхъ условіяхъ. Бракъ, съ распространеніемъ на освобожденныхъ крестьянъ общаго семейнаго права, явился союзомъ между мужчиною и женщиною—свободнымъ, основаннымъ на взаимномъ влеченіи, строго нравственнымъ. Никакія фактическія нарушенія такого его характера не могли быть допускаемы отнынѣ. Всѣ обычаи, въ которыхъ могли бы выражаться подобныя нарушенія, являлись подлежащими отмѣнѣ и искорененію на почвѣ закона,—вытекали ли они изъ прежней дикости нравовъ и повального невѣжества или были привиты помѣщичьею властію. А такого рода обычаи существовали среди крестьянъ при крѣпостной зависимости, по указанному выше свидѣтельству А. З—аго—Д—аго. Они могли бы и остаться въ силѣ. Проф. Пахманъ указываетъ, на основаніи довольно обширнаго матеріала („Обычное гражданское право“, т. II, 43), что и „въ настоящее время (въ семидесятыхъ годахъ), по воззрѣніямъ крестьянъ, желанію или нежеланію самихъ вступающихъ въ бракъ не придается никакого значенія, такъ что женитьба сына или выходъ въ замужество дочери зависятъ вполне отъ усмотрѣнія родителей, которые, въ случаѣ несогласія дѣтей съ ихъ выборомъ, считаютъ себя вправѣ принудить ихъ къ заключенію предположеннаго брачнаго союза“... Однако, подобнаго права у крестьянъ-родителей нынѣ нѣтъ, и всѣмъ такимъ явленіямъ можно твердо противопоставить законъ. Въ программахъ для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ должны быть, поэтому, выдѣляемы въ рубрики этнографіи, уголовной хроники или уголовной статистики вопросы вродѣ слѣдующихъ (программа г. Харузина, страницы: 39, 44, 47, 49, 50, 58, 68, 75, 77, 78, 82, 311): „Не сохранилось ли преданій объ обычаяхъ, по которому каждая женщина должна разъ въ жизни протитуировать себя первому желающему, и лишь

послѣ этого она получаетъ право выходить замужъ? *Примѣчаніе.* Въ саратовской губ. еще не такъ давно существовало слѣдующее обыкновеніе: дѣвушка, выдаваемая замужъ, предварительно предоставлялась родителями всякому желающему заплатить извѣстную сумму (кажется, рублей 100). Эта сумма шла на снаряженіе ей приданого. Изъ этого не дѣлали никакой тайны, и жениху было это извѣстно, какъ и всякому другому. Мѣстные землевладѣльцы часто пользовались такими случаями (отвѣтственность за справедливость сообщенія—добавляетъ составитель программы—принимаетъ на себя М. Н. Харузинъ). Не стараются ли отцы ранѣе женить сыновей, чтобы безпрепятственно жить съ ихъ женами? Не было ли въ старину или не существуетъ ли теперь обычай класть гостя на ночь въ одну постель съ женою, дочерью или съ родственницей хозяина? Не существовали ли въ былое время обычай, по которому нанявшій охотника въ рекруты предоставлялъ послѣднему право на женщинъ своей семьи? Признается ли волостнымъ судомъ бракъ недостигшихъ законнаго брачнаго возраста супруговъ? Обязывается ли сторона жениха или сторона невесты неустойкою на случай неисполненія предбрачнаго договора? Обязанъ ли мужъ давать пропитаніе женѣ? Не было ли случая мѣны женами, съ исполненіемъ при этомъ всѣхъ или нѣкоторыхъ свадебныхъ обрядовъ? Не встрѣчалось ли случаевъ продажи или заклада жены, отдачи на подержаніе, обмѣна? Нѣтъ ли въ обычаяхъ народа правила, въ силу котораго родители имѣютъ право принуждать дѣтей, въ особенности дочерей, ко вступленію въ бракъ съ тѣмъ или другимъ лицомъ? и т. п. Во всѣхъ случаяхъ и обычаяхъ, которые могутъ быть записаны въ видѣ отвѣтовъ на эти и другіе подобные вопросы, какъ бы ни оказались они многочисленными и широко распространенными, очевидно, не заключается ничего юридическаго. Да едвали въ настоящее время, съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости, и имѣются среди крестьянъ такіе обычаи съ характеромъ, дѣйствительно, правовымъ, юридическимъ. Слѣдующій примѣръ долженъ, по край

ней мѣрѣ, совершенно ясно показать, какъ нужно относиться къ подобнымъ „юридическимъ“ обычаямъ и съ какою осторожностію слѣдуетъ ихъ обобщать.

Е. И. Якушкинъ, устанавливая, въ своемъ извѣстномъ трудѣ— „Обычное право“, предположеніе о существованіи у насъ въ прежнее время *общности женъ*, находитъ слѣды этого явленія— „нѣчто подобное гостепріимному гетеризму“—въ томъ, что, по его словамъ (предисловіе, VIII), въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, „нанятый въ охотники и жившій въ семьѣ нанявшаго его крестьянина получалъ, по обычаю, право на всѣхъ молодыхъ женщинъ дома“. Заключение это почтенный изслѣдователь составляетъ на основаніи помѣщенныхъ въ „Военномъ Сборникѣ“ за 1863 г. „Замѣтокъ о наймѣ охотниковъ“ г. В—ва. Послѣдній, говоря о такомъ обычаѣ, какъ о крайне укоренившемся, не указывалъ мѣстностей, въ которыхъ онъ наблюдался. „Въ средней полосѣ Россіи—замѣтилъ, въ свою очередь, г. Якушкинъ—сколько мнѣ извѣстно, такого обычая не существовало“. Но въ слѣдующемъ разсказѣ З—аго—Д—аго („Графъ Киселевъ и его время“, Заблоцкаго, т. IV, 293), приводятся примѣры этого обычая изъ средней полосы Россіи, и въ частности изъ ярославской губ., и вмѣстѣ съ тѣмъ рисуется истинная его сущность:

„Наемка охотниковъ,—разсказываетъ изслѣдователь въ большей части случаевъ, есть дѣло въ высшей степени безнравственное. Иногда крестьянинъ возится съ своимъ охотникомъ въ продолженіе цѣлаго года и болѣе, и въ теченіе всего этого времени охотникъ, какъ говорится, *гуляетъ*. Нанимающій крестьянинъ поитъ и кормитъ его напропалую, исполняя всѣ его прихоти и удовлетворяя его развратъ. Боясь оставить его одного, слѣдитъ за нимъ повсюду: по кабакамъ, по дѣвкамъ, и нянчится, какъ съ ребенкомъ, или, лучше, какъ съ скотиной, приготовляемой на убой. Охотникъ пользуется всѣмъ этимъ, донельзя пьетъ, кутитъ. Это обходится крестьянину нерѣдко до 2 тыс. руб., и онъ не бываетъ спокоенъ до тѣхъ поръ, пока не сдастъ совершенно охотника, потому что охотникъ этотъ въ послѣднюю минуту, въ рекрутскомъ присут-

ствіи, можетъ сказать, что не хочетъ идти въ солдаты; всѣ расходы тогда пропали, если не было сдѣлано условія настоящимъ образомъ—письменно... „Измаялся я въ тотъ годъ, говорилъ одинъ мужикъ, куда ни таскался я съ озорникомъ!.. Въ такія мѣста, батюшка, заводилъ онъ меня, гдѣ я и съ роду не бывалъ... Ляжетъ въ комнатѣ съ дѣвкой; меня посадить дожидаться въ другой. Я сижу себѣ, нечего дѣлать, боюсь оставить одного. Вдругъ, кричитъ онъ: „подай, хозяинъ, горскаго“! И я иду, несу къ нему. Мерзость, батюшка, мерзость, да нечего дѣлать: не хочется семью разстроивать, отдавать сына въ солдаты. Случается, охотникъ проситъ у нанимающаго дочь (подобный случай рассказывали намъ въ калужской губ.): „позволь, говоритъ ему, погулять съ твоею дочерью, а то, вотъ тѣ Христось, откажусь“... Мужикъ истратилъ уже много денегъ, срокъ сдачи рекрута приближается, дѣвственность не всегда столь высоко цѣнится въ мужицкомъ быту, и отецъ соглашается, отдаетъ свою дочь, которая, на его глазахъ, съ соизволенія всей семьи, развратничаетъ, гуляетъ, пьетъ съ охотникомъ... Недавно, въ ростовскомъ уѣздѣ, одинъ, издержавшій на охотника до 2 т. р., мужикъ долженъ былъ, однако же, отдать сына въ солдаты, потому что охотникъ, мчась на тройкѣ пьяный съ дѣвкой и съ сыномъ хозяина, раскакался и попалъ прямо въ рѣку Которосль. Сына и дѣвку вытащили, а охотникъ утонулъ“...

Что же тутъ правоваго, юридическаго? Охотникъ чувствуетъ свою силу и подчиняетъ ей существеннѣйшіе интересы нанимателя, порабощаетъ его, такъ сказать. Является „право“ сильнаго. Но это „право“ не есть уже право въ точномъ смыслѣ слова, въ какомъ его и слѣдуетъ всегда употреблять, во избѣжаніе смѣшенія понятій и въ виду достаточной ясности того понятія, которое имъ обозначается. Нѣкогда это право служило однимъ изъ послѣдствій болѣе общаго „обычнаго права“—крѣпостной зависимости, „права“ сильнаго, высшаго сословія надъ низшимъ. Обычай торговать людьми получалъ особо широкое примѣненіе къ поставкѣ помѣщиками рекрутовъ за государственныхъ крестьянъ. Онъ

представлялъ столь большія выгоды, что практиковался и тогда, когда былъ воспрещенъ закономъ въ этомъ своемъ проявленіи. Законъ обходился. Но разъ существовалъ такой законъ, то обычай продажи въ рекрута крѣпостнаго крестьянина за государственнаго, во всѣхъ его послѣдствіяхъ и проявленіяхъ, являлся нарушеніемъ закона еще до освобожденія крестьянъ. Тѣмъ менѣе могло заключаться что либо правовое въ указываемыхъ притязаніяхъ охотника на супружескія права, когда они предъявлялись послѣ освобожденія, пока, съ изданіемъ закона о всеобщей воинской повинности, не исчезъ самый наемъ охотниковъ. Очевидно также, что описанныя явленія не имѣютъ ничего общаго и съ гетеризмомъ, какъ не имѣлъ съ этимъ доисторическимъ явленіемъ ничего общаго помѣщичій развратъ и предоставленіе помѣщиками гостямъ своихъ крѣпостныхъ женщинъ... За всѣмъ же тѣмъ, если гетеризмъ, дѣйствительно, существовалъ и сохранились настоящіе, несомнѣнные остатки его среди крестьянъ, въ видѣ какихъ либо обычаевъ, то подобные обычаи не могутъ быть относимы нынѣ къ праву, не могутъ быть называемы юридическими.

Обращаясь къ дальнѣйшимъ выводамъ изъ распространенія на освобожденныхъ крестьянъ книги первой ч. 1 т. X законовъ гражданскихъ, мы должны признать, что личныя отношенія между мужемъ и женою, личныя права супруговъ, и въ крестьянской средѣ должны быть сообразны съ закономъ. Мужъ обязывается къ снисходительному отношенію къ своей женѣ, къ извиненію ея слабостей, къ заботливости и попеченію о ней. Противные этому обычаи являются нарушеніемъ закона и не могутъ быть относимы къ обычному гражданскому праву. Подобные обычаи, однако, существуютъ и весьма важно имѣть возможность противопоставлять имъ право, законъ, признавать личность крестьянской женщины огражденную въ такой же мѣрѣ, какъ и личность женщины всякаго другаго сословія. Фактическое положеніе женщины-крестьянки рисуется всѣми изслѣдователями въ самомъ печальномъ свѣтѣ... „Мужья жестоко обращаются со своими женами“ —

дѣлаетъ выводъ изъ массы фактовъ г. Березанскій („Обычное уголовное право крестьянъ Тамбовской губ.“, 216). „Весьма нерѣдки случаи—говоритъ проф. Пахманъ (т. II, 102), что для исправленія женъ или для приведенія ихъ къ повиновенію мужа прибѣгаютъ къ истязаніямъ и побоямъ.... По нѣкоторымъ рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, жена, жалующаяся на жестокое обращеніе мужа, приговаривается, вмѣсто законнаго удовлетворенія, къ тѣлесному наказанію, потому что, „по мнѣнію крестьянъ, раздѣляемому ихъ судомъ, жена составляетъ собственность мужа“ (тамъ же, III). „Факты свидѣтельствуютъ—говоритъ вообще г. Пахманъ—объ угнетенномъ и даже безвыходномъ положеніи женъ, въ случаяхъ притѣсненій и обидъ со стороны мужей“... При всемъ пристрастіи своемъ къ народнымъ обычаямъ, г-жа Ефименко вынуждена признать весьма тяжелымъ положеніе крестьянской женщины, какъ оно опредѣляется обычаемъ („Исслѣдованія народной жизни. Выпускъ I. Обычное право“). Пословицы, касающіяся отношеній между мужемъ и женою, группируемыя г. Илюстровымъ („Юридическія пословицы и поговорки русскаго народа“, 29), это подтверждаютъ: „Бей жену обухомъ, припади, да понюхай, дышетъ, да морочить, еще хочетъ. Женскій бытъ—всегда онъ битъ. Жену любить, что душу, а бить—что шубу“. И пр., и пр. Любопытно новѣйшее свидѣтельство въ этомъ отношеніи г. Краснопорова (томъ I „Сборника правовѣдѣнія и общественныхъ знаній“, статья „Крестьянская женщина передъ волостнымъ судомъ“). „Просматривая, говоритъ онъ, массу рѣшеній волостныхъ судовъ объ обидахъ и оскорбленіяхъ женщинъ, мы замѣчаемъ, что крестьянское населеніе до сихъ поръ не сдѣлало почти никакого прогресса въ сферѣ правовыхъ понятій“... Будемъ думать, однако, что слова эти нѣсколько преувеличены, какъ ни долго была уединена крестьянская жизнь отъ закона, и какъ ни часто проявляются еще стремленія къ этому уединенію... Не безъ основанія, вѣроятно, программа г. Харузина ставитъ вопросы о томъ, не смягчилась ли, не ослабѣла ли власть мужа надъ женою, не пеняютъ ли крестьяне на мировыхъ судей за то,

что они „избаловали бабъ“, становясь на сторону послѣднихъ при разбирательствѣ дѣлъ о ссорахъ супруговъ, и пр. Дѣятельность мировыхъ судей, дѣйствительно, не могла не оказать извѣстнаго вліянія и въ настоящемъ отношеніи, по общему полученному ею характеру водворенія законности въ русскомъ населеніи (Джаншіевъ—„Судебная реформа“). Не безъ вліянія тутъ и ненавистные для нѣкоторыхъ нашихъ народниковъ „писаря-законники“, заявляющіе иногда, какъ это засвидѣтельствовано (Пахманъ, II, 113), что „законъ воспрещаетъ бить женъ самоуправно“... Во всякомъ-же случаѣ, всѣ указанные обычаи, характеризующіе положеніе крестьянской женщины, не могутъ быть признаны юридическими, и изъ программы для собиранія юридическихъ обычаевъ должны быть исключены приведенные уже частію вопросы, смѣшивающіе право съ явнымъ его нарушеніемъ... какъ именно дѣлаютъ существующія программы для собиранія *юридическихъ* обычаевъ....

Въ дальнѣйшемъ, изъ распространенія на крестьянъ указаннаго отдѣла законовъ гражданскихъ, можно вывести, что и въ крестьянской средѣ женщина равноправна съ мужчиною въ имущественномъ отношеніи, и что изъ этого преимущества русской женщины нельзя исключать крестьянку; что приданое жены не составляетъ собственности мужа; что, поѣтому, нельзя взыскивать долги мужа изъ имущества жены, и наоборотъ; что, словомъ, на вопросъ программы г. Харузина—„хозяйка ли жена своего добра“?—отвѣтъ долженъ быть всегда положительный, какіе бы обычаи, какъ проявленія права сильнаго надъ слабымъ, ни существовали въ этомъ отношеніи....

Потому же самому, равнымъ образомъ, права родителей на дѣтей и въ крестьянской средѣ не должны выходить изъ предѣловъ закона, и родители-крестьяне не могутъ присвоивать себѣ надъ дѣтьми больше власти, чѣмъ сколько предоставляется закономъ родителямъ изъ числа лицъ другихъ сословій; что родители должны содержать и воспитывать дѣтей по состоянію, и дѣти, въ свою очередь, поддерживать родителей ¹⁾; что

¹⁾ Губернскія присутствія, отмѣняющія, по приведенному въ началѣ настоя-

при этомъ, однако, между родителями и дѣтьми, и въ крестьянской средѣ, должна существовать такая же раздѣльность имущества, какъ среди другихъ сословій; что имущественныя права дѣтей и здѣсь не поглощаются правами родителей, и личность крестьянина, одинаково съ личностью представителя всякаго иного сословія, обезпечена закономъ въ этомъ отношеніи; что нельзя взыскивать долги сына изъ имущества отца, и наоборотъ, и сельское кулачество должно находить въ этомъ извѣстную преграду; что власть главы и въ большой семьѣ не можетъ быть деспотическою; что всѣмъ членамъ крестьянской семьи принадлежить свобода завѣщательныхъ распоряженій относительно своего имущества, и пр. Поэтому, не могутъ быть относимы къ гражданскому праву и вообще къ праву вопросы программы г. Харузина (стр. 99, 100, 101, 102, 104, 113, 114). „Не осталось ли въ какихъ нибудь воспоминаніяхъ народа понятія о томъ, что отецъ властенъ въ жизни и смерти своихъ дѣтей, какъ своей плоти? По современнымъ воззрѣніямъ народа, воленъ ли отецъ въ своихъ дѣтяхъ? Не сохранилось ли преданій о продажѣ дѣтей или отдачѣ ихъ въ закладъ? Бываютъ ли случаи проституціи дочерей по настоянію родителей? Не сохранилось ли среди народа преданія о томъ времени,

щей главы свидѣтельству г. Морозова, рѣшенія волостныхъ судовъ, коль скоро они оказываются основанными на законахъ гражданскихъ,—не отмѣняютъ, безъ сомнѣнія, приговоровъ волостныхъ судовъ о наказаніи дѣтей за отказъ въ помощи дряхлымъ родителямъ. Но это наказаніе составляетъ уголовную санкцію обязанности, возлагаемой на дѣтей относительно родителей законами гражданскими. При самомъ же узкомъ толкованіи закона и примитивныхъ пріемахъ его толкованія,—нельзя отвергать одно и признавать другое..... Раздѣльность имущества между супругами и родителями и дѣтьми можетъ почитаться обезпечиваемою и иною санкціею уголовного закона, примѣняющагося нынѣ и волостными судами. Для преобразованнаго волостнаго суда сдѣлана обязательною ст. 19 устава о наказаніяхъ, постановляющая, что „кража, мошенничество и присвоеніе чужаго имущества между супругами, а также между родителями и дѣтьми, подлежатъ наказанію не иначе какъ по жалобѣ потерпѣвшаго убытокъ лица“. Но если бы имущество въ крестьянской семьѣ было общою семейною собственностію, то не могло бы быть и кражъ „между супругами, а также между родителями и дѣтьми“, преслѣдуемыхъ въ частномъ порядкѣ.

когда выбрасывали на произвол судьбы стариковъ и старухъ, дожившихъ до потери способности къ работѣ“?....

Исчерпывая дальнѣйшіе выводы изъ распространенія на крестьянъ книги первой ч. 1 т. X законовъ гражданскихъ, слѣдуетъ указать, что на этомъ основаніи крестьяне вступаютъ въ свои гражданскіе права въ той же постепенности, какая установлена для лицъ прочихъ сословій; что предѣльный возрастъ, до котораго ограничиваются ихъ права, есть двадцать одинъ годъ, и что обычаи, которыми въ большей мѣрѣ расширялась бы или ограничивалась правоспособность или дѣеспособность крестьянъ,—недѣйствительны. Все прочее законодательство исходитъ именно изъ такихъ представленій, и это служитъ однимъ изъ доказательствъ полнѣйшей несостоятельности разсужденій о непримѣненіи и непримѣнимости къ крестьянамъ постановленій ч. 1-ой т. X зак. гражд.

Изъ дальнѣйшаго же мы увидимъ и еще яснѣе,—какъ шатки вообще разсужденія о непримѣнимости къ крестьянамъ законовъ гражданскихъ...

Ст. 31 Общаго Пол. постановляла: „Все движимое имущество крестьянъ, какъ то: домашній и рабочій скотъ, земельческія орудія и пр., на основаніи *существующихъ постановленій*, принадлежатъ вполнѣ крестьянамъ; мірскіе денежные капиталы и мірскіе же хлѣбные запасы составляютъ *собственность* крестьянскаго общества“. Какія „существующія постановленія“ подразумѣвались тутъ слишкомъ ясно, что означало „принадлежатъ вполнѣ“, о какой „собственности“ шла здѣсь рѣчь, изъ какихъ понятій исходилъ законодатель? Разумѣется, Общее Пол. исходило здѣсь изъ понятій законовъ гражданскихъ, какъ готовыхъ понятій. Не обычаи, конечно, тутъ подразумѣвались. Напротивъ, точнымъ указаніемъ на законы гражданскіе редакціонныя комиссіи именно сочли необходимымъ оградить освобожденныхъ крестьянъ отъ обычаевъ, подъ которыми они до тѣхъ поръ жили, и въ силу которыхъ не только все ихъ имущество, но и сами они составляли нѣкоторымъ образомъ собственность помѣщика. „Земли, дома и вообще недвижимыя имущества, пріобрѣтен-

ныя крестьянами въ прежнее время на имя ихъ помѣщиковъ, постановляла, далѣе, ст. 32, укрѣпляются за крестьянами или ихъ наслѣдниками окончательно, по утвержденіи за ними сихъ имуществъ самими помѣщиками или рѣшеніемъ мирового учрежденія, на основаніи особыхъ правилъ“. До 1848 г. крѣпостные крестьяне могли пріобрѣтать недвижимыя имущества единственно на имя своихъ помѣщиковъ, такъ какъ общіе гражданскіе законы на нихъ не распространялись. Въ этомъ же году имъ дозволено пріобрѣтать недвижимыя имущества и на свое имя, съ дозволенія помѣщиковъ. Но на дѣлѣ пріобрѣтенія этого рода и послѣ того дѣлались на имя тѣхъ же помѣщиковъ. Теперь, съ освобожденіемъ крестьянъ и распространеніемъ на нихъ общихъ гражданскихъ законовъ, пріобрѣтенныя подобнымъ путемъ имущества не могли уже оставаться въ обладаніи помѣщиковъ. Но они не передавались и прямо въ собственность крестьянъ, какъ пріобрѣтенныя особымъ порядкомъ. Предоставлялось, не безъ большихъ затрудненій, доказывать права на нихъ, если сами помѣщики добровольно этихъ правъ не признавали. Доказывать для чего? Для того, чтобы получить на нихъ объемъ правъ, опредѣленный въ общихъ гражданскихъ законахъ, для того, чтобы имущества эти были „укрѣплены окончательно“ за ихъ дѣйствительными пріобрѣтателями, точно такъ же и въ томъ же смыслѣ, какъ укрѣпляются недвижимыя имущества по законамъ гражданскимъ за пріобрѣтателями изъ лицъ прочихъ сословій. При этомъ на будущее время пріобрѣтеніе имуществъ освобожденными крестьянами и распоряженіе ими ставились совершенно иначе. „Каждый крестьянинъ, говорилось въ ст. 33, можетъ пріобрѣтать въ собственность недвижимыя и движимыя имущества, а также отчуждать оныя, отдавать ихъ въ залогъ и вообще распоряжаться ими, съ соблюденіемъ *общихъ узаконеній*, установленныхъ на сей предметъ для сельскихъ обывателей“. Освобожденный крестьянинъ вступалъ, такимъ образомъ, во всѣ права, установленныя законами гражданскими. Съ момента освобожденія, права эти предоставлялись ему въ такой же полной мѣрѣ, въ какой они

принадлежали, какъ мы видѣли выше, свободнымъ сельскимъ обывателямъ, крестьянамъ государственнымъ ¹⁾). Отнынѣ открывались для него всѣ законные способы пріобрѣтенія собственности. Тутъ и право пріобрѣтенія по давности; тутъ и право защиты владѣнія искомъ объ его возстановленіи, въ случаѣ нарушенія, и пр. Гражданскія права эти представлялись притомъ не отдѣльнымъ только физическимъ лицамъ изъ числа б. крѣпостныхъ крестьянъ. Они возлагались и на образованныя среди нихъ юридическія лица. Сельское общество можетъ, также говорилось въ ст. 34, *на основаніи общихъ законовъ*, пріобрѣтать въ собственность движимыя и недвижимыя имущества“, и пр. Въ ст. 22 то же самое начало выражалось съ нѣкоторыми подробностями и даже съ болѣе точными ссылками на общіе гражданскіе законы: „Крестьяне, какъ отдѣльно, такъ и цѣлыми обществами, могутъ входить,

¹⁾ Отсюда не могутъ быть признаны юридическими обычаями, рисующіеся въ вопросахъ программы г. Харузина: „Не представившій выкупа за вещь (отданную въ закладъ) къ сроку, теряетъ ли права на заложенную вещь или нѣтъ? Имѣетъ ли залогоприниматель право пользоваться заложенной вещью еще до срока на выкупъ ея? Позволяется ли поклажепринимателю пользованіе данною ему на храненіе вещью?“. Указываемое здѣсь право залогопринимателя или поклажепринимателя противорѣчило бы сущности договоровъ залога и поклажи. Вмѣстѣ же съ тѣмъ въ немъ, какъ и въ завладѣніи залогопринимателемъ вещь въ случаѣ невыкупа ея въ срокъ, выражалось бы ничто иное, какъ эксплуатація ростовщиками населенія. Конечно, *факты* такой эксплуатаціи многочисленны, но при разспространеніи на крестьянъ общихъ гражданскихъ законовъ, они не могутъ составлять *права*. Напрасно, поэтому, нѣкоторые изслѣдователи обобщили ихъ въ такомъ смыслѣ. Какъ ни слабы юридическія представленія въ народѣ, однако, и самъ онъ не разсматриваетъ факты подобной эксплуатаціи, выражающееся въ ней „право сильного“ какъ право. Мы лично слышали отъ крестьянъ, что такой то де ростовщикъ носить вещи, которыя ему приносятъ въ закладъ, а иногда новая вещь возвращается владѣльцу испорченною, съ явными слѣдами даже неосторожнаго употребленія; что ростовщики и совсѣмъ завладѣваютъ вещами, отданными въ обезпеченіе незначительныхъ суммъ, коль скоро вещи эти въ срокъ не выкупаются.... Но во всѣхъ этихъ разсказахъ слышалось порицаніе такихъ дѣствій, признаніе ихъ неправильными, родъ жалобъ, сознаніе полнѣйшаго права обращенія къ суду за возстановленіемъ нарушенныхъ интересовъ и сожалѣніе, что приходится подчиняться всетаки этому „праву сильного“, потому что послѣ, въ трудную минуту, и вовсе не найдешь кредита..... Что же тутъ юридическаго?.....

на основаніи общих постановлений, во всякіе закономъ дозволенные договоры, обязательства и подряды“, и пр. Равнымъ образомъ, по ст. 24, крестьянамъ точно предоставлены были права: 1) „по дѣламъ гражданскимъ—отыскивать свои права, вчинать иски и тяжбы и отвѣтствовать за себя лично или чрезъ повѣренныхъ, а равно быть повѣренными какъ крестьянъ своего общества, такъ и лицъ постороннихъ; 2) по дѣламъ уголовнымъ и полицейскимъ—подавать жалобы и охранять свои права всѣми дозволенными закономъ способами, лично и чрезъ повѣренныхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда участіе повѣреннаго допускается въ дѣлахъ уголовныхъ; 3) быть свидѣтелями и поручителями на общемъ основаніи“. Все это были новыя права, основанныя на части 1-ой тома X и всецѣло возлагавшіяся на освобожденныхъ крестьянъ, въ отмѣну тѣхъ обычаевъ, которые лишали ихъ при крѣпостной зависимости правъ, основанныхъ на законахъ, и не предоставляли ничего отъ себя. Въ примѣчаніи 2 къ ст. 24 пояснялось только, что хотя отнынѣ они могутъ предъявлять, на общемъ основаніи, иски и къ прежнимъ своимъ помѣщикамъ, но не по такимъ дѣйствіямъ послѣднихъ, которыя возникли изъ отношеній, существовавшихъ при крѣпостной зависимости.

Такимъ образомъ, какъ видно, отчасти, уступивъ притязаніямъ губернскихъ комитетовъ о *неперечисленіи* въ Общемъ Положеніи *всѣхъ* личныхъ и имущественныхъ правъ, предоставлявшихся освобожденнымъ крестьянамъ, и высказавъ предположеніе *не повторять* здѣсь всѣхъ статей изъ томовъ IX и X Свода Законовъ, редакціонныя комиссіи, все же, рядомъ съ установленіемъ общаго правила о распространеніи на этихъ крестьянъ общихъ правъ свободныхъ сельскихъ обывателей, указали цѣлый рядъ „главныхъ“ конкретныхъ правъ послѣднихъ, возлагавшихся на новый разрядъ свободныхъ сельскихъ обывателей. Не странно ли же, при наличности такихъ столь ясныхъ, точныхъ и буквальныхъ указаній, разсуждать о непримѣненіи и непримѣнимости ч. 1-ой т. X-го ко всей массѣ крестьянъ, въ которую входятъ и бывшіе госу-

дарственные крестьяне, о непримѣимости теперь, когда съ переходомъ на выкупъ, и для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ кончилось временно обязанное состояніе, соединявшееся для нихъ съ нѣкоторыми ограниченіями личныхъ и имущественныхъ правъ?.....

Н. Дружининъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

КРЕСТЬЯНЕ И ОБЩЕЕ ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО.

(Къ 35-лѣтію реформы 19 февраля 1861 г.) ¹⁾.

IV.

Въ сдѣланныхъ нами указаніяхъ не исчерпывается, однако, вся ч. 1 т. X, вся область законовъ гражданскихъ. Но общее правило о распространеніи на освобожденныхъ крестьянъ всѣхъ законовъ гражданскихъ, за нижеприводимыми болѣе или менѣе точными изъятіями въ пользу мѣстныхъ обычаевъ,—выражено, кажется, достаточно ясно въ ст. 2 общаго положенія, предоставившей имъ *все* права свободныхъ сельскихъ обывателей. Вопросъ можно было бы, поэтому, считать въ настоящемъ отношеніи исчерпаннымъ. Тѣмъ не менѣе, однако, въ виду страннаго укоренившагося воззрѣнія, уединяющаго крестьянъ отъ дѣйствія общихъ гражданскихъ законовъ, лишающаго ихъ и нынѣ правъ, основанныхъ на этихъ законахъ,—докажемъ *инымъ путемъ* безусловную примѣнимость къ освобожденнымъ крестьянамъ и ко всѣмъ сельскимъ обывателямъ вообще нѣкоторыхъ частныхъ постановленій законовъ гражданскихъ, точно въ приведенныхъ статьяхъ общаго положенія не упомянутыхъ:

Ст. 2214 и 2215 ч. 1-ой т. X-го не допускаютъ личнаго найма на срокъ свыше 5 лѣтъ, равно найма подъ условіемъ зажива занятыхъ денегъ и процентовъ, если срокъ такого

¹⁾ Окончаніе. См. Журналъ Юридич. Общества, книга IV.
ж. юрид. общ. кн. VI 1896 г.

найма долженъ, по расчисленію, простираться на большее время. Ради чего? Очевидно, въ видахъ охраненія личной свободы, для воспрепятствованія образованію кабальныхъ отношеній, слишкомъ тяжелой экономической зависимости для нанимаемыхъ. Словомъ, имѣются въ виду публичные интересы. А такъ какъ въ договоры личного найма вступаютъ, большею частію, крестьяне и нерѣдко къ крестьянамъ же, то указываемыя статьи направлены, собственно говоря, къ ихъ охраненію. Спрашивается теперь, можно ли было бы считать эти статьи ч. 1 т. X непримѣнимыми къ освобожденнымъ крестьянамъ, если бы даже на нихъ и не были распространены законы гражданскіе собственно въ этой части? Очевидно, нѣтъ. Очевидно, что противные обычаи, которыми устанавлился бы болѣе продолжительный срокъ личного найма, — не дѣйствительны, не имѣютъ никакой юридической силы. Совершенно излишнимъ представляется, поэтому, вопросъ программы г. Харузина: „опредѣляется ли обычаемъ, а не писанымъ закономъ, срокъ, далѣе котораго договоръ личного найма заключать не дозволяется?“

Далѣе, ст. 2229 т. X ч. 1 предписываетъ хозяину обходиться съ нанимаемыми справедливо и кротко. Законъ, слѣдовательно, отнюдь не уполномочиваетъ хозяина на оскорбительное обращеніе съ рабочимъ. Ограждая нанимателя, законъ и наемнику предоставляетъ въ такихъ случаяхъ общее право жалобы и даже, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, право расторженія договора. Противные этому обычаи въ крестьянской средѣ не имѣютъ юридическаго значенія, составляютъ нарушеніе закона, неправо. Отрицательные отвѣты на вопросъ программы г. Харузина — „подвергается ли, и какой именно, отвѣтственности хозяинъ за нанесеніе рабочему побоевъ, за оскорбленіе словами“ — засвидѣтельствовали бы не о существованіи юридическаго обычая, а о наличности безправія въ крестьянской средѣ и о неограженіи судами въ должной мѣрѣ чести и тѣлесной неприкосновенности рабочаго.

Точно также законы гражданскіе не предоставляютъ хозяину права наказывать рабочаго по собственному усмотрѣ-

нію и—это относится до крестьянъ работниковъ въ равной мѣрѣ съ наемниками изъ числа лицъ другихъ сословій, какъ по распространенію и на крестьянъ силы ч. 1 т. X, такъ и потому что по ст. 25 общаго положенія—„крестьяне не могутъ быть подвергаемы никакому наказанію иначе какъ по судебному приговору или по законному распоряженію поставленныхъ надъ ними правительственныхъ и общественныхъ властей“. Отсюда же положительный отвѣтъ на вопросъ программы г. Харузина—„можетъ ли хозяинъ по собственному усмотрѣнію наказывать рабочаго“—засвидѣтельствовалъ бы не о существованіи юридическаго обычая, а о беззаконіи, могущемъ обнаруживаться въ крестьянской средѣ.

Ст. 2203 т. X ч. 1 запрещаетъ даже родителямъ отдавать въ наемъ дѣтей безъ собственнаго согласія послѣднихъ, и—это, конечно, вполне относится къ крестьянамъ. Рѣчь идетъ также о публичномъ интересѣ и объ извѣстномъ общемъ правѣ состоянія, предоставленномъ и освобожденнымъ крестьянамъ. „Встрѣчаются ли случаи—спрашиваетъ программа г. Харузина—что хозяину предоставляется вмѣсто рабочаго, невыполнившаго условій договора, нанять, на его счетъ, другого рабочаго или взять, взамѣнъ такого рабочаго, кого либо изъ его семейства (сына, брата)“? Утвердительные отвѣты на этотъ вопросъ не дали бы, однако, основаній къ заключенію о существованіи среди крестьянъ соотвѣтствующаго юридическаго обычая. Точно также не можетъ быть признанъ юридическимъ проявляющійся въ дѣятельности волостныхъ судовъ обычай „ставить въ заработки“ рабочихъ, которые не въ состояніи возратить забранныхъ денегъ (Пахманъ, т. I, 210) ¹⁾.

Въ свое время, дѣйствовали подлежащія статьи ч. 1 т. X о лихвенныхъ процентахъ. Безъ сомнѣнія же, онѣ распро-

¹⁾ Сельскимъ обществамъ, какъ обязаннымъ круговою порукою въ платежахъ за своихъ членовъ, предоставляется отдавать въ заработки неисправныхъ плательщиковъ. Но это относится къ области финансоваго права,—къ тѣмъ приемамъ взиманія податей и сборовъ, которые г. Тернеръ называетъ „азиатскими“ („Вѣстникъ Европы“, октябрь 1895 г., статья „Крестьянскіе платежи и способы ихъ взысканія“).

странялись и на крестьянъ. Съ одной стороны, крестьяне-заимодавцы не могли брать болѣе 6⁰/₀ роста, и въ противномъ случаѣ подвергались преслѣдованію; съ другой же,—и ростовщики изъ числа лицъ другихъ сословій не могли заключать собственно съ крестьянами сдѣлокъ, по которымъ взималось бы болѣе означеннаго процента роста. Иначе, конечно, и быть не могло, такъ какъ законъ о лихвенныхъ процентахъ изданъ былъ въ огражденіе бѣдныхъ людей, и масса *бѣднѣйшаго* населенія, истощенная „лихвенными процентами“, выплачивавшимися помѣщикамъ, не могла быть, съ освобожденіемъ, изъята отъ дѣйствія этого закона.

Ст. 919 т. X ч. 1, для приобрѣтенія домашнимъ актомъ надлежащей законной силы, требуетъ, чтобы онъ былъ подписанъ выдающимъ его, если онъ грамотный,—въ противномъ же случаѣ, чтобы онъ былъ подписанъ за него другимъ лицомъ, по его уполномочію, съ надлежащимъ засвидѣтельствомъ. Этого требуютъ общія начала права, порядокъ, публичный интересъ, необходимость огражденія правъ, и—такія требованія, безъ всякаго сомнѣнія, относятся въ равной мѣрѣ къ крестьянамъ, какъ и къ лицамъ другихъ сословій. Противные тому обычаи не могутъ имѣть юридическаго значенія. Страненъ, поэтому, вопросъ программы г. Харузина—„требуется ли непременно, чтобы письменные акты были подписаны самимъ выдающимъ“? Пусть этого не требуютъ гдѣ нибудь обычаи. Законъ и порядокъ требуютъ этого непременно. Допустить изъятіе крестьянъ въ этомъ отношеніи отъ дѣйствія ч. 1 т. X, да еще съ признаніемъ со стороны уголовныхъ обычаевъ правомѣрности наказанія за нарушеніе гражданскихъ договоровъ,—а это именно наблюдается въ области обычнаго уголовного права—значило бы допустить не только неправильное закабаленіе людей, но еще и держаніе ихъ въ кабалѣ страхомъ наказанія со стороны общественной власти за нарушеніе кабальныхъ условій....

По началамъ дѣйствующаго гражданскаго права и по общимъ началамъ права, для заключенія договоровъ, требуется наличность извѣстной право-и-дѣеспособности отъ контра-

гентовъ. То же самое требуется, безъ сомнѣнія, и отъ крестьянъ. Не инымъ условіямъ подчиняются и они въ этомъ отношеніи, во всякомъ случаѣ. Страненъ, поэтому, вопросъ программы г. Харузина: „требуется ли обычаями, чтобы лица, совершающія договоры, были полноправны,—то есть, совершеннолѣтнія, здоровыя умственно и т. п.? Считаются ли дѣйствительными договоры, первоначальнымъ виновникомъ которыхъ является несовершеннолѣтній или слабоумный, если эти договоры не вызываютъ протеста со стороны лицъ заинтересованныхъ“?—Пусть обычаи этого и не требуютъ гдѣ нибудь; пусть не ограничиваются ими права такихъ явно недѣеспособныхъ лицъ; пусть недѣйствительность договоровъ, заключаемыхъ съ такими лицами, ставится въ зависимость обычаями отъ протеста со стороны лицъ заинтересованныхъ. Подобные обычаи, очевидно, не могутъ быть юридическими, не только потому что на крестьянъ распространяется ч. 1 т. X, но и потому что подобная эксплуатація ближняго составляетъ преступленіе, преслѣдуемое въ публичномъ порядкѣ,—а преступленіе не можетъ создавать никакихъ правъ для виновнаго въ немъ, и договоры, противные законамъ,—недѣйствительны.

„Взыскиваются ли крестьянскими судами убытки, причиненные преступленіемъ“—спрашиваетъ программа географическаго общества. Отказы со стороны крестьянскихъ судовъ въ соотвѣтствующихъ искахъ подсуднымъ имъ лицамъ—не могутъ, однако, составить юридическаго обычая. Право взыскивать убытки, причиненные преступленіемъ, есть общее право потерпѣвшаго. Оно принадлежитъ крестьянамъ въ равной мѣрѣ съ лицами другихъ сословій (см. приведенную выше ст. 24 общаго положенія), и—не можетъ быть отвергаемо какими либо судами.

„Неустойка—спрашиваетъ программа г. Харузина—заключается ли въ уплатѣ денегъ или въ какой либо иной невыгодѣ для лица, неисполнившаго договоръ (напримѣръ, отрѣзаніе хвоста у лошади)“?—Но причиненіе мученія домашнимъ животнымъ, какъ мѣра обезпеченія договоровъ, опять таки не можетъ составить юридическаго обычая. Оно является пре-

ступленіемъ, преслѣдуемымъ общимъ закономъ; договоры же не могутъ быть обезпечиваемы дополнительными обязательствами совершенія преступленій...

И такъ далѣе, и такъ далѣе. Принявъ за исходную точку состоявшееся освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ, можно доказать такимъ путемъ безусловную обязательность примѣненія къ нимъ еще цѣлаго ряда статей тома X части 1 законовъ гражданскихъ, не упомянутыхъ прямо въ общемъ положеніи. Можно доказать, что къ нимъ примѣнимы: статьи, устанавливающія раздѣленіе имущества на движимыя и недвижимыя, тлѣнныя и нетлѣнныя, раздѣльныя и нераздѣльныя; постановленія о правѣ участія общаго и частнаго; о находѣ и кладѣ; о береговомъ правѣ; о вознагражденіи за владѣніе добросовѣстное и недобросовѣстное; о завѣщаніяхъ и пр. и пр. ¹⁾. Не вдаваясь, однако, въ дальнѣйшія подробности, закончимъ эту часть своихъ доказательствъ разсмотрѣніемъ вопроса о томъ, примѣнима ли къ крестьянамъ *давность*, погашающая какъ и пріобрѣтающая.

Какъ указано вначалѣ настоящей главы, давность положительно отвергается въ области крестьянскихъ имущественныхъ отношеній и разрѣшать ихъ въ этомъ отношеніи предоставляется мѣстнымъ обычаямъ. Такъ ли это, можетъ ли это быть такъ? Нѣтъ вопроса, который проще и яснѣе разрѣшался бы въ положительномъ смыслѣ, и противоположныя заключенія тѣмъ болѣе удивительны.

Какъ мы видѣли выше, ст. 33 общаго положенія прямо предоставляетъ освобожденнымъ крестьянамъ пріобрѣтать движимыя и недвижимыя имущества *всеми законными способами*. Давность же принадлежитъ именно къ числу такихъ законныхъ способовъ, и слѣдовательно, прямо распространяется на крестьянъ. Равнымъ образомъ, распространяется на нихъ и право иска о возстановленіи нарушеннаго владѣнія. Ясно,

¹⁾ Замѣтимъ, между прочимъ, что въ рѣшеніи общаго собранія сената отъ 10 мая 1893 г., № 20, по вопросу о томъ, — „примѣнимо ли правило п. 3 ст. 445 т. X, ч. 1, къ постройкамъ крестьянскимъ въ деревняхъ“ — выражено, что правило это относится ко *всѣмъ постройкамъ*.

что крестьянамъ принадлежитъ и право приобрѣтенія имущества по давности. Далѣе, въ давности, относящейся къ частному праву, есть начала права публичнаго. Она придаетъ опредѣленность правамъ, столь необходимую для быстроты и свободы гражданскаго оборота. Она покрываетъ формальные недостатки способовъ приобрѣтенія, дѣлаетъ законнымъ право недостаточно укрѣпленное, неоформленное въ надлежащемъ, установленномъ порядкѣ, и съ этой стороны, особенно существенна именно для крестьянъ, не знающихъ о значеніи актовъ укрѣпленія и зачастую являющихся въ настоящемъ отношеніи предметомъ эксплуатаціи для „ловкихъ“ людей. Давность облегчаетъ и задачу суда. Благодаря ей, отказывается въ защитѣ правамъ, остававшимся долго безъ употребленія, установленіе которыхъ предоставило бы чрезвычайныя трудности для судебной власти ¹⁾. Какимъ же образомъ давность могла бы оказаться неподлежащею примѣненію къ крестьянскимъ дѣламъ, вопреки не только частнымъ интересамъ крестьянъ, но и вопреки интересамъ публичнымъ? Вопросъ о давности возбуждался, между прочимъ, относительно наслѣдованія въ имуществѣ магометанъ, и гражданскій кассационный департаментъ сената, въ опредѣленіи своемъ отъ 5 декабря 1889 г. (№ 119), выразилъ: „если законъ допускаетъ разрѣшеніе споровъ магометанъ о наслѣдствѣ не по общимъ законамъ имперіи, то это потому, что наслѣдственное право магометанъ имѣетъ свои основы по преимуществу въ ихъ бытовыхъ и религіозныхъ особенностяхъ. Напротивъ, *условія дѣйствія времени на гражданскія права, порядокъ судебной ихъ защиты, а*

¹⁾ Недавно въ газетахъ сообщалось изъ Харькова: „крестьяне, какъ известно, нестѣсняемые земскою давностію (свидѣтельствуешь корреспондентъ объ укоренившемся воззрѣніи), представляютъ иногда въ свои суды въ доказательство своихъ правъ на землю документы незапамятныхъ временъ. Одинъ крестьянинъ недавно представилъ въ ульянскій волостной судъ „купчую“, выданную однодворцемъ Немикинымъ Харьковскаго полку Золочевской сотни села Пристепнаго, Большіе Уды тожъ, жителямъ, казацкимъ свойственникамъ Хауставу Дорофѣеву и др.... въ 1761 г., то есть ровно 133 года тому назадъ. „Купчая“ написана тогдашнимъ витіеватымъ письмомъ, и „прочеть ее мишу, незнакомому съ старинными письменами, почти невозможно“....

слѣдовательно, и правила, устанавливающія дѣйствіе давности,—не имѣютъ внутренней связи съ своеобразными юридическими отношеніями наслѣдственного права, и должны быть обсуждаемы *по общему закону*, не допускающему *никакой* неопредѣленности въ этомъ отношеніи и устанавливающему точный срокъ, съ теченіемъ коего, теряется возможность ограждать право, независимо отъ его матеріальнаго содержанія“. Неужели же къ крестьянамъ неприменимы эти общія соображенія, коль скоро сенатъ справедливо подчеркиваетъ, что законъ не допускаетъ „никакой“ неопредѣленности по отношенію къ дѣйствію времени на права? Неужели волостной судъ не долженъ принимать отводовъ по давности, возраженій, основываемыхъ на давности, и долженъ непременно разрѣшать спорныя отношенія какою бы давностью они ни покрывались, и какъ бы ни оказывалась затруднительною при такихъ условіяхъ задача простѣйшаго суда? Безъ сомнѣнія, законы о давности всецѣло применимы и къ освобожденнымъ крестьянамъ; крестьяне же бывшіе государственные не утратили прежняго права ими руководствоваться. Нельзя не замѣтить, кстати, что, между прочимъ, въ положеніяхъ о крестьянахъ прибалтійскихъ губ. выражено совершенно точно правило о примѣненіи давности къ крестьянскимъ отношеніямъ (Пол. о крестьянахъ курляндской губ., ст. 92; эстлядской, 893 и 896; лифляндской 974) ¹⁾.

¹⁾ Въ сборникѣ рѣшеній общаго собранія сената за 1894 г. обнародовано рѣшеніе отъ 25 октября 1893 г., за № 32, по вопросу о томъ: „распространяются ли содержащіяся въ общихъ гражданскихъ законахъ положенія о давности на дѣла, подсудныя преобразованнымъ, на основаніи правилъ 12 іюля 1889 г., волостнымъ судамъ?“ Рѣшеніе это чрезвычайно характерно по отношенію къ силѣ и вліянію господствующаго воззрѣнія о непримѣнимости къ крестьянамъ законовъ гражданскихъ... Общее собраніе сената привело еще больше соображеній *въ пользу* примѣненія давности къ крестьянскимъ дѣламъ, чѣмъ, сколько указано нами. Оно упустило только, между прочимъ, столь важныя приведенныя нами общія соображенія гражданского кассационнаго департамента. Выводъ о безусловной обязательности правилъ о давности по отношенію къ крестьянскимъ дѣламъ слѣдовалъ изъ соображеній общаго собранія, кажется, неизбежно, необходимо... Тѣмъ не менѣе совершенно неожиданно послѣдовало разъясненіе условное, оставившее вопросъ въ сущности въ прежнемъ неопредѣленномъ положеніи: „положенія о давности,

V.

Такимъ образомъ,—и прямыми ссылками общаго положенія, и косвеннымъ путемъ,—можно доказать обязательность примѣненія къ крестьянамъ гражданскихъ законовъ, *какъ общаго правила*. Отсюда понятно и то, что въ положеніяхъ 19 февраля 1861 г. не одинъ разъ предписывалось вообще, чтобы договоры, заключаемые освобожденными крестьянами и съ своими помѣщиками,—не противорѣчили „общимъ гражданскимъ законамъ“... (п. 3 ст. 6 общаго положенія и пр.). Но какъ мы видѣли выше (гл. 1), редакціонныя коммисіи, согласно съ представленіями губернскихъ дворянскихъ комитетовъ и домогательствами депутатовъ отъ послѣднихъ,—согласились допустить примѣненіе освобожденными крестьянами и мѣстныхъ обычаевъ, *по исключенію къ нѣкотораго рода дѣламъ*, и исключенія эти именно, въ свою очередь, доказываютъ существованіе общаго правила.

Такъ, между прочимъ, особенно настоятельныя представленія сдѣланы были относительно наслѣдованія, раздѣловъ, опеки и попечительства („Матеріалы“, т. I, кн. 2, изд. 2; ч. XII, изд. 1). Отсюда примѣчаніе 1 къ ст. 21 постановляло: „Въ назначеніи опекуновъ и попечителей, въ повѣркѣ ихъ дѣйствій и во всѣхъ сего рода дѣлахъ крестьяне руководствуются мѣстными своими обычаями“. Отсюда же явилась ст. 38 общаго положенія: „Въ порядкѣ наслѣдованія имуществомъ крестьянамъ дозволяется руководствоваться мѣстными своими обычаями“... (*дозволяется...* но они, очевидно, не лишаются права руководствоваться въ этомъ отношеніи и общими гражданскими законами). Соотвѣтственныя этой статьѣ постановленія помѣщены были въ статьяхъ: 110 мѣстнаго положенія губ. великорос., 93 мѣстн. пол. малорос. и 166 пол.

содержащіяся въ законахъ гражданскихъ, если на нихъ сошлутся тяжущіяся стороны, при производствѣ дѣла въ волостномъ судѣ, подлежатъ примѣненію на общемъ основаніи, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда, по тяжбамъ и спорамъ исключительно между крестьянами извѣстное правоотношеніе, по мѣстнымъ обычаямъ, или вовсе изъемлется отъ дѣйствія давности, или покрывается ею въ болѣе продолжительный срокъ, чѣмъ опредѣлено общимъ закономъ“...

о выкупѣ. Затѣмъ, относительно порядка усыновленія сдѣлана ссылка на мѣстные обычаи въ ст. 95 мѣстн. пол. малорос. Позднѣйшій законъ 25 мая 1882 г. (примѣч. 3 къ ст. 143 положенія о губ. и уѣздн. учр. по крест. дѣламъ) установилъ точно также, что при обнаруженіи растраты должностнымъ лицомъ крестьянскаго общественнаго управленія, запрещеніе на его недвижимое имущество налагается на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ, арестъ же на движимое, „примѣняясь къ тому порядку, какой соблюдается въ подобныхъ случаяхъ въ крестьянскому быту“. Въ новѣйшее время, наконецъ, изъятіе въ пользу мѣстныхъ обычаевъ сдѣлано въ законѣ 24 мая 1893 г. о преслѣдованіи ростовщическихъ дѣйствій. Его уголовная санкція не распространяется на такія сдѣлки, совершаемыя въ сельской средѣ, по которымъ хотя и взимается чрезмѣрный ростъ,—которыя переходятъ, такъ сказать, мѣру закона, но которыя, однако, не выступаютъ изъ предѣловъ обычая ¹⁾).

Этимъ и ограничиваются изъятія отъ дѣйствія т. X ч. 1-ой законовъ гражданскихъ относительно крестьянъ. Какъ видно, это именно *изъятія*, исключенія по частнымъ отношеніямъ. Какъ видно также они и не такъ велики, какъ обыкновенно думаютъ. При всемъ же томъ, и въ этихъ предѣлахъ, обычное гражданское право можетъ дѣйствовать не всегда и не безусловно, не съ полнымъ устраненіемъ закона. Нетрудно доказать, между прочимъ, что, какъ ни широки кажушіеся предѣлы дѣйствія обычая на крестьянскія опеки, устанавливаемые примѣчаніемъ къ ст. 21 общаго положенія, тѣмъ не менѣе, и здѣсь должны въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствовать законы гражданскіе. Такъ опекунъ, назначенный родителями въ завѣщаніи, по праву, предоставляемому ст. 227 т. X ч. 1,

¹⁾ „Занимающійся говорится въ названномъ законѣ въ видѣ промысла, отдачею въ ссуду сельскимъ обывателямъ: 1) хлѣба или другихъ припасовъ, или же 2) денегъ подъ условіемъ уплаты денежнаго долга, частію или вполнѣ, хлѣбомъ, припасами или работою, если для совершенія сдѣлки на чрезмѣрно обременительныхъ, *не соответствующихъ мѣстнымъ обычаямъ, условіяхъ*, онъ воспользовался крайне тягостнымъ положеніемъ заемщика, подвергается, и т. д.“.

если онъ удовлетворяетъ требуемымъ закономъ условіямъ, не можетъ быть устраненъ силою обычая и замѣненъ другимъ по обычаю. Такъ точно опека надъ имуществомъ, дошедшимъ въ собственность малолѣтнихъ дѣтей, принадлежитъ и среди крестьянъ отцу, по ст. 226. Такъ, далѣе по смерти одного родителя, опека, каковы бы ни были обычаи, учреждается *силою закона* въ лицѣ оставшагося въ живыхъ родителя, по ст. 229. Все это совершенно естественно и неизбѣжно слѣдуетъ *изъ существа и назначенія опеки*, какъ установленія публичнаго права: въ самомъ дѣлѣ, въ ней выражено участіе общественной власти въ заботахъ объ остающихся малолѣтнихъ дѣтяхъ. Общественная власть выступаетъ тутъ взамѣнъ родителей, когда послѣднихъ нѣтъ, или воля ихъ не выразилась въ соотвѣтствующихъ законныхъ предсмертныхъ распоряженіяхъ. Когда же есть закономъ или распоряженіемъ родителей указанные опекуны, тогда общественная власть не получаетъ и повода къ выполнению своего назначенія въ иныхъ формахъ, кромѣ надзора за опекунами. Кромѣ же того, какъ видно, указываемое изъятіе вовсе не касается опеки по слабости, сумасшествію и пр., и эти опеки и относительно лицъ крестьянскаго сословія, устанавливаются, очевидно, въ общемъ порядкѣ, опредѣленномъ законами гражданскими.

За указанными въ законѣ изъятіями въ пользу примѣненія обычая становятся понятными ст. 107 общаго положенія и 25 временныхъ правилъ о волостномъ судѣ, приведенныя нами вначалѣ. На нихъ ссылаются обыкновенно, въ видахъ опредѣленія предѣловъ дѣйствія обычнаго права среди крестьянъ, — изъ нихъ выводятъ заключенія о весьма широкихъ, всеобъемлющихъ предѣлахъ его примѣненія. А между тѣмъ, статьи эти сами требуютъ ссылокъ на другія матеріальныя постановленія, *составляютъ выводъ изъ послѣднихъ и безъ связи съ ними не даютъ права на какія либо заключенія*. Установивъ же теперь эту связь названныхъ статей съ матеріальными постановленіями и представляя указанія ихъ по настоящему предмету довольно ограниченными, не можемъ не обратить вниманія на то, что и сами по себѣ ст. ст. 107 и

25 обставляютъ разсматриваемый предметъ довольно тѣсными предѣлами. Если даже разсматривать ихъ безотносительно, то и тогда при всемъ несовершенствѣ ихъ редакціи, нельзя будетъ оправдать дѣлаемыхъ изъ нихъ широкихъ заключеній...

Дѣйствительно, волостнымъ судамъ предоставлено статьею 107 разрѣшать гражданскія дѣла на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и правилъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту. Но когда? *При отсутствіи сдѣлокъ, явленныхъ въ волостномъ правленіи.* Значитъ дѣйствіе обычая и здѣсь представляется *условнымъ*. При существованіи подобныхъ сдѣлокъ, дѣла и должны быть разрѣшаемы на основаніи этихъ сдѣлокъ. Слѣдовательно, дѣла должны быть разрѣшаемы въ такихъ случаяхъ и по закону, если самыя эти сдѣлки основаны на законѣ. Между тѣмъ, не собрано вовсе достаточныхъ данныхъ о томъ, на чемъ основываются обыкновенно сдѣлки, являемыя въ волостныхъ правленіяхъ, на обычномъ или писаномъ гражданскомъ правѣ. Можно же предположить, что и сдѣлки, такимъ образомъ оформливаемыя, основываются скорѣе на болѣе твердыхъ и опредѣленныхъ положеніяхъ писаннаго права. Сенатъ призналъ подлежащими разрѣшенію волостнаго суда 19 февраля 1861 г. дѣла, основанныя на сдѣлкахъ, явленныхъ у нотаріусовъ, мировыхъ судей и пр., даже совершенныхъ крѣпостнымъ порядкомъ („Сборникъ“ за 1861—1879 г.г., г. Данилова, 150). А такого рода сдѣлки, конечно, всегда уже основываются на общихъ гражданскихъ законахъ.

Въ свою очередь, ст. 25 временныхъ правилъ о волостномъ судѣ, будучи точнѣе ст. 107 общаго положенія, ставитъ вопросъ объ объемѣ примѣненія обычаевъ *въ то же самое положеніе*, какое усвоено ему и статьею 107. Иначе и быть не можетъ, такъ какъ временныя правила о волостномъ судѣ не устанавливають нормъ матеріальнаго гражданского права, а являются процессуальнымъ закономъ. Ст. 25 отправляется такъ же, какъ и ст. 107, отъ существующихъ нормъ матеріальнаго права, неизмѣненнаго вовсе законодательствомъ 12 іюля 1889 г. Упомянутіе въ ней именно о крестьянахъ составляетъ прямой и необходимый выводъ изъ этихъ поста-

новленій, и этотъ выводъ всецѣло ограничиваетъ примѣненіе
обычнаго гражданскаго права въ опредѣляемыхъ нами предѣ-
лахъ къ однимъ крестьянамъ. Дѣйствительно, обычаю не под-
чиняются лица другихъ сословій. Но преобразованный водо-
стной судъ можетъ разбирать дѣла между крестьянами и
этими лицами, если они именно пожелаютъ подчиниться его
рѣшенію, обратятся къ его защитѣ сами или не уклонятся
отъ отвѣта передъ нимъ по вызову крестьянъ-истцовъ. И
вотъ, ст. 25, въ предотвращеніе примѣненія обычая и къ
такимъ дѣламъ, прямо и точно указываетъ, что обычаемъ
волостной судъ руководствуется только при разборѣ споровъ
и тяжбъ „между крестьянами“. Лица другихъ сословій, судясь
въ волостномъ судѣ, имѣютъ безусловное право требовать
разрѣшенія своихъ дѣлъ во всякомъ случаѣ по законамъ, и
примѣненіе къ нимъ обычая можетъ составить несомнѣнный
поводъ къ отмѣнѣ соотвѣтствующаго рѣшенія.

Не слѣдуетъ, затѣмъ, словамъ ст. 25 о томъ, что воло-
стной судъ рѣшаетъ дѣла „по совѣсти“, придавать значеніе,
котораго они не имѣютъ,—значеніе произвольное въ то
время, какъ смыслъ ихъ совершенно ясенъ и опредѣленъ.
Нельзя считать, что здѣсь совѣсть можетъ замѣнять законъ.
По совѣсти или по убѣжденію совѣсти, должны были оцѣ-
нивать доказательства и разрѣшать дѣла мировые судьи; та
же обязанность возлагается на замѣняющихъ ихъ уѣздныхъ
членовъ, земскихъ начальниковъ и городскихъ судей. На
волостной судъ прибалтійскихъ губерній 9 іюля 1889 г.
также возлагается обязанность руководствоваться велѣніями
совѣсти въ своей дѣятельности. Но рядомъ съ этою обязан-
ностію предписывалось мировымъ судьямъ основывать свои
постановленія на точной силѣ законовъ, и это же предпи-
сывается уѣзднымъ членамъ, земскимъ начальникамъ, город-
скимъ судьямъ и волостному суду прибалтійскихъ губерній.
Такое же начало само собою подразумѣвается и во времен-
ныхъ правилахъ 12 іюля 1889 г. Руководствоваться совѣ-
стію—это важнѣйшее нравственное предписаніе, которое под-
разумѣвается относительно каждаго исполнителя и которое

особо и прямо дѣлается въ судопроизводственныхъ законахъ потому, что ему справедливо приписывается извѣстное сильное вліяніе, столь необходимое для дѣятелей суда, стоящихъ на стражѣ правъ. Это предписаніе имѣетъ такое же значеніе, какъ и присяга. И безъ присяги само собою подразумѣвается обязательность того, что въ ней выражается. Но исполненіе всего этого именно почитается особо обезпечиваемымъ присягою. Когда судѣя вмѣняется въ обязанность дѣйствовать по совѣсти, но не упоминается объ обязательности законовъ, то это не значитъ, что онъ можетъ дѣйствовать противозаконно, ссылаясь на совѣсть. Требованія закона и требованія совѣсти не могутъ быть противоположаемы. Въ законахъ выражаются нравственныя начала, какъ и въ голосѣ совѣсти. Послѣдній—только строже, требовательнѣе, безусловнѣе. Своею совѣстью долженъ руководствоваться волостной судья, прежде всего, при примѣненіи закона, какъ и обычая. Поэтому, когда та же ст. 25, не упоминая въ первой своей части объ обязательности законовъ для преобразованнаго волостнаго суда, предписываетъ ему руководствоваться обычаями, при разрѣшеніи дѣлъ между крестьянами, въ особенности же дѣлъ о наслѣдованіи, то этимъ самымъ въ ней не выражается, что въ такихъ случаяхъ судъ можетъ не слушать голоса совѣсти. Обязательность законовъ для преобразованнаго волостнаго суда выражается притомъ въ принимаемой членами его общей судейской присягѣ: и волостной судья клянется „исполнять свято законы Имперіи“.

Наконецъ, обычаи могутъ дѣйствовать на опредѣленные отношенія, съ устраненіемъ закона, безъ сомнѣнія, лишь тогда, когда они именно на самомъ дѣлѣ существуютъ и извѣстнымъ порядкомъ доказываются. Правда, не указано закономъ никакого способа удостовѣренія обычаевъ. Но могутъ ли примѣняться обычаи, не будучи вовсе и никакъ удостовѣряемы и доказываемы? Едва ли законъ допускаетъ такой порядокъ. Законъ полагаетъ вообще, что обычаи хорошо извѣстны крестьянамъ, и на этомъ основаніи не требуетъ прямо и всегда особаго ихъ удостовѣренія. Считается,

что въ этомъ условіи, если оно существуетъ и если противъ выставляемыхъ обычаевъ никто не возражаетъ,—заключается уже достаточное удостовѣреніе существованія обычаевъ. Но если обычаи неясны, неопредѣленны, смутны, или кто либо изъ участвующихъ возражаетъ противъ нихъ? Конечно, тутъ обычаи должны быть удостовѣряемы и доказываемы. Тутъ должны быть точно выясняемы дѣйствительно существующіе обычаи, то есть, направленные къ установленію порядка и разрѣшенію имущественныхъ отношеній дѣйствія, постоянно совершаемыя всѣми въ данной мѣстности, какъ обязательныя и непротиворѣчащія ни здравому смыслу, ни общимъ началамъ права. Ибо *судъ всегда долженъ имѣть извѣстное объективное и правовое основаніе для своихъ постановленій*. Коль скоро же существованіе дѣйствительно юридическаго обычая не доказано,—то, понятно, волостной судъ долженъ примѣнить соотвѣтствующій законъ. Что иначе могъ бы онъ примѣнить, будучи обязанъ во всякомъ случаѣ разрѣшить каждое данное дѣло? Какое иное объективное и правовое основаніе могъ бы онъ дать своему постановленію?

Наконецъ, во всѣхъ случаяхъ нужно имѣть въ виду постановленіе ст. 56 положенія о крест. учрежденіяхъ о томъ, что мировому посреднику (впослѣдствіи земскому начальнику) предоставляется разрѣшать крестьянскія дѣла (въ подлежащихъ случаяхъ) на основаніи „мѣстныхъ обычаевъ“, но— „если сіи послѣдніе не противорѣчатъ существующимъ законамъ и положеніямъ о крестьянахъ“. Это само собою подразумевается относительно каждаго учрежденія и должностнаго лица, разрѣшающихъ крестьянскія дѣла.

Всѣ изложенныя доказательства въ пользу состоявшагося распространенія на крестьянъ въ весьма значительныхъ предѣлахъ общихъ гражданскихъ законовъ относятся собственно до бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Что же касается до крестьянъ бывшихъ государственныхъ, то положеніе ихъ въ этомъ отношеніи не измѣнилось съ распространеніемъ на нихъ въ 1866 г. общаго положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Во-первыхъ, это распро-

страненіе состоялось съ сохраненіемъ правъ и преимуществъ, которыми они до тѣхъ поръ пользовались,—а подчиненіе государственныхъ крестьянъ общимъ гражданскимъ законамъ составляло ихъ право, приравнивавшее ихъ къ лицамъ прочихъ сословій и отличавшее отъ крѣпостныхъ крестьянъ. Во вторыхъ же, распространены были на государственныхъ крестьянъ только статьи, относившіяся до крестьянскаго общественнаго управленія, повинностей и мѣръ ихъ обезпеченія и взысканія; статьи же 1—40, относившіяся до личныхъ правъ освобожденныхъ крестьянъ, и не могли получить какое либо значеніе для государственныхъ крестьянъ, такъ въ нихъ говорилось объ отмѣнѣ крѣпостной зависимости и о переходѣ на помѣщичьихъ крестьянъ различныхъ правъ свободныхъ сельскихъ обывателей, то есть именно государственныхъ крестьянъ; въ частности же не получили распространенія на нихъ статья 38 и прим. къ ст. 21 общаго положенія (кромѣ того, что и для нихъ опекунскими установленіями являлись сельскія общества, какъ въ силу прежнихъ постановленій законовъ гражданскихъ, особо подробно опредѣлявшихъ порядокъ опеки среди нихъ, такъ и въ силу ст. 51 общаго положенія, на нихъ распространявшейся). Наконецъ, такъ какъ ст. 107 общ. пол. и ст. 25 врем. правилъ о вол. судѣ 12 іюля 1889 г. составляютъ постановленія формальнаго, а не матеріальнаго права,—то и онѣ, въ свою очередь, не измѣнили положенія государственныхъ крестьянъ въ отношеніи общаго матеріальнаго гражданского права. Словомъ, государственные крестьяне были до 1866 г. и остались послѣ того подчиненными, за весьма немногими исключеніями (гораздо меньшими, чѣмъ помѣщичьи), общимъ гражданскимъ законамъ.

VI.

Такова дѣйствительная система гражданского права крестьянъ. Во многихъ отношеніяхъ—она одинакова съ системою гражданского права лицъ прочихъ сословій; система же семейнаго права крестьянъ и совершенно тождественна съ си-

стемою семейнаго права другихъ сословій,—ибо опредѣляется однимъ и тѣмъ же закономъ. Но казалось бы, что система гражданскаго права, устанавливаемая ч. 1 т. X, нарушается относительно крестьянъ финансовыми и полицейскими законами, въ силу которыхъ: земля надѣляется семьѣ или двору; между дворами же распределяются подати и повинности; двору предоставляется представительство черезъ кого либо изъ членовъ на сходѣ; постоянный законный представитель двора—домохозяинъ—можетъ мѣняться по волѣ схода; членамъ семьи воспрещаются самовольные семейные раздѣлы, и пр.—Но когда рѣчь идетъ о личныхъ или имущественныхъ правахъ мужа и жены, дѣтей и родителей, и о правахъ лица вообще,—то разрѣшенія вопросовъ объ этихъ правахъ нужно искать не въ финансовыхъ или полицейскихъ законахъ, а въ тѣхъ постановленіяхъ, которыя именно относятся къ этой области права. Осуществленіе гражданскихъ правъ членами крестьянской семьи и характеръ обязанностей крестьянъ могутъ, конечно, подъ вліяніемъ системы податей и полицейскихъ мѣропріятій, нѣсколько уклоняться отъ постановленій, опредѣляющихъ ихъ собственно гражданскихъ законовъ; личные и имущественныя права членовъ крестьянской семьи и вообще гражданскія права крестьянъ—могутъ оказываться черезъ это ограничиваемыми въ бѣльшей или мѣньшей мѣрѣ, обязанности же—видоизмѣняемы; на крестьянъ могутъ быть возлагаемы обязанности и ограниченія, не вытекающія изъ общихъ гражданскихъ законовъ, и пр. Но изъ этого не слѣдуетъ вовсе, что систему имущественныхъ или личныхъ отношеній въ крестьянской средѣ нужно строить на бѣльшемъ или мѣньшемъ гнетѣ, производимомъ здѣсь на гражданскія отношенія со стороны полицейскаго или финансоваго строя; напротивъ того, съ освобожденіемъ крестьянъ, началами гражданскаго права нужно *смягчать* слишкомъ суровыя требованія этого строя ¹⁾. Многіе изслѣдователи (г.г. Пахманъ, Му-

¹⁾ Въ такомъ именно смыслѣ, полагаемъ, слѣдуетъ, между прочимъ, принимать разъясненіе сената отъ 1 апрѣля 1875 г., которымъ признано неправильнымъ обращеніе на имущество жены взысканія недоимки, лежавшей на мужѣ („Сборникъ“ за 1861—1879 г.г., изд. Данилова, 201).

хинъ, Оршанскій) усматриваютъ существованіе „семейной собственности“, какъ явленія обычнаго права крестьянъ. Но представленія о такой собственности основываются на нѣкоторыхъ послѣдствіяхъ именно существующей финансовой системы. Законы же гражданскіе, распространенные въ этой части прямо и безусловно на крестьянъ, облакаютъ каждого члена русской семьи извѣстною личною и имущественною самостоятельностью,—и семейная собственность, какъ несогласная съ этимъ, не имѣетъ юридическаго значенія.

Могутъ также сказать, что особенности положенія и быта крестьянъ дѣлали бы желательную нѣсколько иную систему, что и по отношенію къ лицамъ прочихъ сословій нынѣшній сводъ законовъ гражданскихъ не представляется удовлетворительнымъ. Да, допустимъ. Но это значило бы только, что желательно составленіе такого общаго кодекса гражданского права, въ которомъ были-бы приняты во вниманіе всѣ эти особенности и условія (которымъ, кстати сказать, придается преувеличенное значеніе, оправдывающее иногда то, что ничѣмъ не можетъ быть оправдано и что ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть допущено,—какъ это между прочимъ, мы увидимъ сейчасъ на законѣ о преслѣдованіи ростовщическихъ дѣйствій). Коль скоро-же этого не сдѣлано,—то лучше для крестьянъ быть подчиненными дѣйствію несовершенныхъ, но опредѣленныхъ гражданскихъ законовъ, нежели дѣйствію обычаевъ совершенно неопредѣленныхъ и даже подчасъ вовсе несуществующихъ и не имѣвшихъ основанія и условій для существованія.

Трудно привѣтствовать, поэтому, и немногія изъятія, сдѣланныя въ пользу мѣстныхъ обычаевъ. Относительно обычаевъ по опекамъ, въ самыхъ редакціонныхъ коммисіяхъ, было заявлено, напримѣръ, членомъ черниговскаго комитета г. Марковичемъ, что въ черниговской губерніи „особыхъ опекунскихъ обычаевъ не существуетъ, и о малолѣтнихъ крестьянахъ всегда заботились ихъ помѣщики“ („Матеріалы“, ч. XII, изд. 1, возраженія юридическаго отдѣленія на доклады по отзывамъ членовъ губ. комитетовъ, 22). Никѣмъ и ничѣмъ не было

доказано, чтобы существовали какіе либо опредѣленные обычаи по настоящему предмету въ другихъ губерніяхъ. Юридическое отдѣленіе само замѣтило, что,—„по невозможности имѣть положительныя свѣдѣнія о сихъ обычаяхъ, нельзя судить, достаточно ли охраняютъ они права лицъ, подлежащихъ опеѣ“... („Матеріалы“, т. II, кн. 1, изд. 2, стр. 27). Тѣмъ не менѣе, опекунское дѣло всюду предоставлено было въ значительной степени дѣйствию обычая, и—печальное положеніе его, составляющее въ настоящее время общее мѣсто,—несомнѣнно, находитъ здѣсь извѣстное объясненіе. Далѣе, ссылка закона о преслѣдованіи ростовщичества на мѣстные обычаи какъ бы узаконила недостойные того обычаи и, можно положительно сказать, парализовала самый этотъ законъ... Какъ мы сказали, уголовная санкція этого закона не распространяется на такія кредитныя сдѣлки, по которымъ хотя и взимается чрезмѣрный процентъ, но которыя не выступаютъ, однако, въ этомъ отношеніи изъ предѣловъ, устанавливаемыхъ „мѣстными обычаями“. Но ростовщичество есть само по себѣ явленіе обычнаго права. Оно особо развилось среди крестьянскаго населенія. Последнее подвергается страшной эксплуатаціи. Стоитъ припомнить картины, рисуемыя г. Сазоновымъ („Неотчуждаемость крестьянскихъ земель“ и „Ростовщичество-кулачество“). Мѣра роста, устанавливаемая „мѣстными обычаями“, такъ высока, что трудно, кажется, ее перейти... Это явствуетъ изъ разсужденій государственнаго совѣта, на которыхъ основано настоящее изъятіе въ пользу „мѣстныхъ обычаевъ“ ¹⁾).

¹⁾ Приведемъ эти разсужденія, рисующія, кстати, „мѣстные обычаи“ и объясняющія, почему законъ остается мертвою буквою: „Изъ правила о точномъ опредѣленіи цифры дозволенныхъ процентовъ,—разсуждалъ именно государственный совѣтъ (Законъ о преслѣдованіи ростовщическихъ дѣйствій, съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ онъ основанъ, 9)—нельзя не сдѣлать исключенія по отношенію къ ссудамъ, совершаемымъ въ средѣ сельскаго населенія не деньгами, а хлѣбомъ или другими продуктами. Обычныя условія такихъ ссудъ, по самому ихъ характеру, не поддаются процентному исчисленію, или допускаютъ его лишь съ большими трудностями. Если-бы даже такое исчисленіе и было сдѣлано,—высокій процентъ роста, въ силу особенностей сельской жизни, оказался бы наименѣе пригоднымъ признакомъ для опредѣленія ростовщичества. Нерѣдко своевременная ссуда, хотя бы и за большіе проценты, составляетъ для сельскаго обы-

Закону и надлежало установить точный предѣлъ роста отъ себя. Въ этомъ заключалось *существо* предстоявшей ему задачи. Коль скоро же этого сдѣлано не было,—то законъ неизбежно утрачиваетъ свое значеніе. Наконецъ, относительно обычаевъ по наслѣдованію даже трудно представить себѣ какой-нибудь порядокъ, какую-нибудь систему. Не только крестьянское имущество, но и сами крестьяне лично принадлежали помѣщикамъ, составляли какъ бы ихъ „собственность“. Помѣщики попирали несравненно болѣе существенныя права крестьянъ, нежели права имущественныя. Никакихъ имущественныхъ правъ, можно сказать, не имѣли крѣпостные крестьяне въ отношеніяхъ къ помѣщикамъ *и при жизни*. Какія же права *посмертныхъ распоряженій* объ имуществѣ могли они имѣть? Какія имущественныя права могли имѣть крестьяне малолѣтніе и несовершеннолѣтніе? Въ Западной Европѣ, при существованіи крѣпостной зависимости, помѣщики имѣли родъ права наслѣдованія въ имуществѣ крестьянъ (Семевскій—„Крестьяне при Екатеринѣ II“, 2. 95). То же самое существовало у насъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Поэтому, именно въ видахъ отмѣны со-

вателя не притѣсненіе, а напротивъ, помощь и благодѣяніе. Такъ, напримѣръ, весною, послѣ неурожайнаго года, крестьянинъ сочтетъ себя вырученнымъ изъ бѣды своимъ односельцемъ, который дастъ ему сѣмянъ на обсемененіе поля, съ обязательствомъ возратить ихъ даже въ двойномъ количествѣ, причемъ, быть можетъ, въ свою очередь, займодавецъ окажется ко времени расплаты въ такомъ же положеніи, въ какомъ былъ выведенный имъ изъ затрудненія должникъ его. Съ другой стороны, мѣстный землевладѣлецъ, ссужающій крестьянъ деньгами или продуктами, подъ условіемъ уплаты долга работою, цѣнность которой составляетъ весьма высокій процентъ на капиталъ,—часто является отнюдь не утѣсителемъ-заемщиковъ, а сосѣдомъ, спасающимъ ихъ отъ раззоренія. Приведенные и подобные случаи, обусловленные особенностями деревенской жизни, конечно, ничего общаго съ ростовщичествомъ не имѣютъ.. Но наряду съ такими *обычными явленіями*, существуетъ гнетъ настоящихъ злонамѣренныхъ ростовщиковъ, которые обратили ростовщичество въ промыселъ. Противъ нихъ только и должно быть направлено уголовное преслѣдованіе“... Откуда... „основаніями для наказуемости ростовщичества должны служить—крайняя, *несоответствующая мѣстнымъ обычаямъ*, обременительность условій ссуды для должника и выразившееся въ дѣйствіяхъ займодавца злонамѣренное пользованіе тягостнымъ положеніемъ заемщика“.

отвѣтствующихъ обычаевъ, ст. 54 Положенія о крестьянахъ Лифляндской губерніи, при переходѣ земельного участка въ собственность члена крестьянскаго общества изъ владѣнія помѣщика-продавца, положительно воспрещала „предоставленіе сему послѣднему права обратнаго пріобрѣтенія (Wiederganfall Recht) или какого-либо права на случай смерти (Mortuarium), по силѣ коего, при наслѣдованіи участка, имѣеть быть взимаема особая дань, или, за неоставленіемъ умершимъ собственникомъ законныхъ наслѣдниковъ, участокъ его возвращается продавцу“. Наслѣдованіе помѣщиковъ въ имуществѣ крестьянъ или обычаи захвата „по праву сильного“ — могли, конечно, существовать и во внутреннихъ губерніяхъ, въ виду общности условій. Такимъ образомъ, г. Семевскій передаетъ рассказъ о бывшемъ крестьянинѣ гр. Шереметьева Сеземовѣ, завѣщаннаго которымъ имущества родственники долго не могли добиться отъ графа, и даже неизвѣстно, добились ли, наконецъ („Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній“, т. I, 174). Другіе такіе же случаи — присвоеніе опекунами одного изъ молодыхъ графовъ Шереметьевыхъ всѣхъ населенныхъ имѣній, пріобрѣтенныхъ на имя господина его крѣпостными, и присвоеніе гр. Шереметьевымъ ста пятидесяти тысячъ рублей, оставшихся въ ломбардѣ послѣ одного изъ его крѣпостныхъ, — передаетъ, по его словамъ, Н. Тургеневъ въ сочиненіи своемъ „La Russie et les Russes“. Подобныхъ случаевъ, конечно, могло быть очень много, въ особенности со стороны мелкихъ помѣщиковъ. Какіе же могли тутъ образовываться обычаи? Очевидно, что крестьяне подпадали крайней неопредѣленности съ этимъ правомъ руководствоваться обычаями въ порядкѣ наслѣдованія, предоставленнымъ имъ 19 февраля 1861 г. Неопредѣленность же эта могла сказаться немедленно послѣ освобожденія. Такъ наслѣдники послѣ крестьянъ могли предъявлять къ помѣщикамъ иски о недвижимыхъ имуществахъ, пріобрѣтенныхъ ихъ наслѣдодателями на имя помѣщиковъ. Но при неопредѣленности и даже отсутствіи обычаевъ, кто могъ выступить тутъ со своими притязаніями? Не представлялись ли непреодолимая

затрудненія для предъявленія какихъ-либо правъ при такихъ условіяхъ? Самому помѣщику было, конечно, гораздо легче—и объявить себя „наслѣдникомъ“, и доказать свои „наслѣдственные“ права... А что наслѣдственные обычаи крѣпостныхъ крестьянъ были неразвиты—доказываетъ послѣдующее время. Казалось бы, послѣ освобожденія, начала наслѣдственныхъ обычаевъ, получивъ полную возможность примѣненія, могли бы развиться въ стройную и опредѣленную систему. Тѣмъ не менѣе, работывая матеріаль, собранный комиссіею по преобразованію волостныхъ судовъ и относящійся къ семидесятымъ годамъ, г. г. Пахманъ („Обычное гражданское право въ Россіи“) и Мухинъ („Обычный порядокъ наслѣдованія у крестьянъ“) — затрудняются дѣлать опредѣленные выводы относительно наслѣдственного права крестьянъ. Нѣкоторыя осторожныя попытки, однако же, они предлагаютъ въ этомъ смыслѣ. Но при этомъ они, по обыкновенію, говорятъ безразлично о крестьянахъ бывшихъ помѣщичьихъ и бывшихъ государственныхъ. Смѣшивать же тѣхъ и другихъ отнюдь невозможно. Одни всегда пользовались свободою и жили самостоятельною жизнію; другіе же были освобождены только за десять лѣтъ передъ тѣмъ какъ стали собираться матеріалы, дающіе основанія для извѣстныхъ заключеній почтеннымъ изслѣдователямъ. Конечно, у бывшихъ государственныхъ крестьянъ и могли образоваться опредѣленные, сообразные съ ихъ бытомъ, обычаи въ настоящемъ отношеніи. Весьма вѣроятно даже, что именно и только матеріалы, относящіеся до бывшихъ государственныхъ крестьянъ, и помогли г. г. Пахману и Мухину предложить свои осторожныя попытки начертанія обычнаго порядка наслѣдованія у крестьянъ, равно какъ и нѣкоторыхъ другихъ обычаевъ. Этимъ же, надо полагать, объясняется и тотъ секретъ, что Оршанскій, сознавшись, что „крѣпостное право, повидимому, вытѣснило также всѣ обычаи, относящіеся къ наслѣдству“ („Изслѣдованія по русскому праву“, 157), находитъ возможнымъ давать довольно смѣлая, по принятому имъ приему, заключенія о наслѣдственномъ правѣ крестьянъ... Во всякомъ случаѣ, то упомянутое

объясненіе можно положительно дать относительно г-жи Ефименко. Ея изслѣдованія по обычному праву относятся къ Архангельской губ. По исчисленіямъ же г. Тройническаго, здѣсь, по 10-й народной переписи, произведенной въ 1858 г., считалось всего 6 человѣкъ дворовыхъ мужчинъ и 14 дворовыхъ женщинъ, а всего 20 человѣкъ дворовыхъ, и ни одного *крестьянина* („Крѣпостное населеніе Россіи по десятой народной переписи“, 26). Въ новѣйшее время указанія на наследственные обычаи даетъ „Харьковскій Сборникъ, 1893 г.“. Указанія эти дѣлаются по разнымъ деревнямъ отдѣльно. При этомъ, хотя приводимая здѣсь же программа для собиранія свѣдѣній объ обычаяхъ предписываетъ изслѣдователямъ указывать въ точности разрядъ крестьянъ, среди котораго записываются данные обычаи, — тѣмъ не менѣе, въ самыхъ матеріалахъ, собранныхъ по этой программѣ, по обыкновенію, не поясняется вовсе, о какихъ крестьянахъ идетъ рѣчь въ каждомъ данномъ случаѣ, о бывшихъ помѣщичьихъ или о бывшихъ государственныхъ. Оттого приходится пользоваться косвенными данными для выясненія этого столь важнаго обстоятельства. При этомъ оказывается, что особенно часто упоминаемая слобода Дергачи, (какъ видно по стр. 22 статьи г. Иванова „Современная деревня“, помѣщенной въ томъ же „Сборникѣ“), равно слобода Большіе Проходы (какъ видно по стр. 20 той же статьи) и слобода Липцы (какъ можно заключить по упоминанію относительно ея о „добросовѣстныхъ“, — а такъ назывались судьи, члены сельскихъ расправъ, существовавшихъ среди государственныхъ крестьянъ) — населены бывшими государственными крестьянами. Можно даже усмотрѣть почти полное тождество излагаемыхъ здѣсь обычаевъ касательно наследственныхъ правъ крестьянскихъ вдовъ съ дѣйствовавшими прежде относительно государственныхъ крестьянъ законами (ст. 165 т. XII, ч. 2, устава о благоустр. въ казенныхъ селеніяхъ, изд. 1857 г.). Обычаи являются какъ-бы воспроизведеніемъ закона, въ видѣ нѣкоторыхъ „переживаній“ (Survivals). Вслѣдствіе неблагопріятности условій для образованія наследственныхъ обычаевъ, опредѣленную

систему по матеріаламъ „Харьковскаго Сборника“ установить во всякомъ случаѣ невозможно. Относительно обычаевъ, здѣсь помѣщенныхъ и собранныхъ членами харьковскаго уѣзднаго съѣзда, обнаруживается еще слѣдующее обстоятельство, указываемое въ хроникѣ № 59 „Юридической Газеты“ за 1894 г., со словъ „Харьковскихъ Губ. Вѣд.“: „Способъ собиранія обычаевъ состоитъ въ томъ, что съѣздъ, признавъ необходимымъ при разрѣшеніи какого-либо гражданскаго дѣла справиться съ существующимъ обычнымъ правомъ крестьянъ по затронутому дѣломъ вопросу, поручаетъ сдѣлать это мѣстному земскому начальнику, который обязанъ спросить объ обычаѣ мѣстный сельскій сходъ. Но дѣло въ томъ, что тяжущимся уже на съѣздѣ объявляется о томъ, что земскому начальнику поручается установить по ихъ дѣлу мѣстный обычай, и вотъ, и истецъ и отвѣтчикъ, задолго до пріѣзда земскаго начальника, начинаютъ просить своихъ родственниковъ и знакомыхъ (а у каждаго изъ нихъ тѣхъ и другихъ, по крайней мѣрѣ, поль-деревни), чтобы они на сходѣ показали „въ пользу“ того или другого. И вотъ, когда земскій начальникъ спрашиваетъ сельскій сходъ о томъ, какой у нихъ существуетъ по извѣстному правоотношенію обычай, то сходъ раздѣляется обыкновенно на двѣ партіи, и каждая изъ нихъ преподноситъ земскому начальнику свой „обычай“. Изумленному земскому начальнику приходится констатировать, что въ селѣ по одному и тому же вопросу существуютъ два диаметрально противоположныхъ, исключаящихъ другъ друга, обычая. Все это земскій начальникъ добросовѣстно заноситъ въ протоколъ и предоставляетъ уже самому съѣзду признать, *по своему вкусу*, одинъ изъ этихъ обычаевъ истиннымъ“...—Въ интересной статьѣ „въ поискахъ за обычнымъ правомъ“, напечатанной въ ноябрьской книжкѣ „Русскаго богатства“ за 1894 г., г. Леонтьевъ констатируетъ, въ свою очередь, почти полную невозможность установленія и выясненія обычаевъ въ Самарской губерніи. Въ настоящее же время передъ нами, въ Ярославской губерніи, разыгрывается слѣдующее: умираетъ девяностолѣтній старикъ-нищій крестьянинъ—собственникъ,

бывшій государственный, оставляя девяностолѣтнюю же старуху-жену, больную, неспособную не только снискивать трудомъ пропитаніе, но даже и ходить „по міру.“ Послѣ умершаго оказывается, вдругъ, книжка сберегательной кассы на 170 руб.

Несчастный, промышлявшій самой жалкой торговлей (ходилъ съ маленькимъ коробомъ, продавая спички, тесемочки, иголки, булавки, крестики) или, лучше, подъ видомъ торговли, собиравшій милостыню,—очевидно, берегъ эти деньги на то время, когда не будетъ уже въ силахъ и ходить. Умеръ, однако, сразу, простудившись во время одного изъ своихъ обходовъ околка). И—вотъ, на наслѣдство предъявляютъ права—жена и племянница... Кто выиграетъ? „Ловкіе“ люди, очевидно, имѣя въ виду возможность удостовѣренія извѣстнымъ путемъ какого угодно „обычая“, даютъ нищей старухѣ совѣтъ: „нужно поскорѣй угостить сусѣдей; кто изъ васъ успѣетъ сдѣлать это раньше, тотъ и будетъ счастливъ“ ¹⁾...

¹⁾ На основаніи матеріаловъ, собранныхъ въ семидесятыхъ годахъ коммисією по преобразованію волостныхъ судовъ, г. Мухинъ („Обычный порядокъ наслѣдованія у крестьянъ“, 269) находитъ возможнымъ установить существованіе въ то время обычая, въ силу котораго бездѣтная вдова является полною и единственною наслѣдницею послѣ мужа, съ устраненіемъ всякихъ другихъ родственниковъ. Казалось бы, такое правило, какъ безусловно справедливое и подходящее ко всѣмъ мѣстностямъ, и слѣдовало давно ввести въ законъ. Не вездѣ, вѣдь, могутъ существовать такіе обычаи, а тамъ, гдѣ они существуютъ, недостаточно или и вовсе необезпечено ихъ примѣненіе, и не устраняется возможность вторженія въ эту область несправедливаго закона съ его указными долями или же совершенно произвольнаго разрѣшенія дѣлъ о наслѣдованіи въ такихъ случаяхъ. Такимъ образомъ, очень можетъ быть, что несчастная старуха, о которой мы говоримъ, проиграетъ дѣло, что мѣстный сельскій сходъ удостовѣритъ существованіе обычая неблагопріятнаго для вдовъ, или что волостной судъ примѣнитъ законъ,—и она, лишившись наслѣдства, останется на попеченіи самаго этого схода... По крайней мѣрѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ той же волости, совершенно обобралъ старуху-вдову племянникъ ея мужа, причемъ указываемый случай представлялся тѣмъ болѣе возмутительнымъ, что эта вдова собственно и была «наживщицей», такъ какъ мужъ былъ пьяницей, да отъ вина и умеръ... Лица, склонныя къ быстрымъ обобщеніямъ перваго представляющагося случая, отвѣчающаго ихъ привычнымъ воззрѣніямъ, могутъ сказать по поводу этого случая: „вотъ они,—гражданскіе законы!..“ хотя, кажется, обирательство было произведено путемъ ссылки именно на „мѣстные обычаи,“—то есть, болѣе вѣрнымъ путемъ, устраняющимъ отмѣну рѣшенія

Довольно трудно, значитъ, довѣрять тому, что выдается иногда за обычаи. Можетъ быть, обычаи по наслѣдованію существуютъ, а можетъ быть, и нѣтъ. Последнее даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ довольно вѣроятно. По крайней мѣрѣ, „Сельскій Вѣстникъ“, за двѣнадцать лѣтъ существованія разъясняющій постоянно, что крестьяне, въ порядкѣ наслѣдованія, руководствуются мѣстными своими обычаями,—ни разу не указалъ ни одного такого обычая. Его корреспонденты сообщаютъ объ обычаяхъ справлять дорогія свадьбы, устраивать большія праздничныя попойки, щеголять и т. п.; но никогда и ни одинъ изъ нихъ не сообщитъ о какомъ либо обычаѣ касательно порядка наслѣдованія, и—запросы по этому предмету нисколько не уменьшаются оттого, что вопрошающихъ весьма категорически предпосылаютъ къ обычаямъ...

При всѣхъ такихъ условіяхъ, довольно трудно, казалось бы, говорить о сущности юридическихъ обычаевъ крестьянъ, относящихся къ гражданскому праву, и отстаивать неприкосновенность этой области крестьянскихъ отношеній для закона, хотя бы то новаго, лучшаго, при несомнѣнной неудовлетворительности закона существующаго?.. Тѣмъ не менѣе, у насъ господствуютъ воззрѣнія, весьма благопріятныя для народныхъ обычаевъ по гражданскому праву, которое, главнымъ образомъ, и имѣется въ виду изслѣдователями, и вмѣшательство закона обыкновенно вообще отвергается... Замѣтимъ, однако, слѣдующее: изслѣдователи, на основаніи прежнихъ матеріаловъ, довольно единодушно устанавливаютъ существованіе среди крестьянъ обычая, въ силу котораго сестра при братьяхъ вовсе не участвуетъ въ наслѣдованіи даже послѣ родителей, но на братьяхъ лежитъ обязанность выдать ее замужъ и снабдить приданымъ,—обязанность, однако, ничѣмъ необезпеченная и тѣмъ легче могущая подвергаться наруше-

суда... Но, если оно основано было и на законѣ, если вообще люди недостаточно „ловкіе“ обращаются въ такихъ случаяхъ къ закону,—то вѣдь о значеніи гражданскихъ законовъ для крестьянъ нельзя судить по нѣсколькимъ невыгоднымъ слѣдствіямъ, вытекающимъ изъ несомнѣнныхъ недостатковъ дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ.

нію, что въ интересахъ всякаго брата долше удерживать у себя даровую работницу... (Извѣстно-же, вѣдь, что ранніе браки заключаются у крестьянъ нерѣдко въ видахъ пріобрѣтенія работницъ). Быть можетъ, дѣйствительно, и ограничиваются такъ наслѣдственныя права крестьянской женщины. Такой порядокъ вполнѣ соотвѣтствуетъ и ея угнетенному положенію, о которомъ изслѣдователи свидѣлствуютъ съ еще большимъ единодушіемъ... Но въ такомъ случаѣ, выходитъ, что крестьянская женщина еще болѣе обдѣлена обычаемъ, нежели женщина другого сословія закономъ. Законъ предоставляетъ сестрѣ при братѣ, по крайней мѣрѣ, хоть восьмую часть изъ движимаго и четырнадцатую часть изъ недвижимаго имущества послѣ родителей; обычай же не даетъ ей ничего. Законъ несовершененъ, и въ настоящее время возбуждается вопросъ объ измѣненіи его въ смыслѣ уравниенія наслѣдственныхъ правъ мужчинъ и женщинъ. Сторонники народныхъ обычаевъ должны бы, кажется, желать хотя нѣкотораго улучшенія въ несравненно худшемъ положеніи крестьянской женщины относительно обычая. Говорятъ, что наслѣдованіе въ имуществѣ крестьянъ опредѣляется трудовымъ началомъ. Но—крестьянская женщина трудится не меньше мужчины. Цѣлый рядъ указаній въ этомъ смыслѣ приводитъ г. Мухинъ (стр. 15—19). Въ новѣйшее время такіа указанія даетъ г. Красноперовъ, основывая на нихъ свой общій выводъ, что — „находясь въ угнетенномъ положеніи, женщина уже тѣмъ самымъ обречена (даже) на тяжелыя работы“ („сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній“, т. I, 271). На какомъ же основаніи она обдѣлена такъ обычаемъ въ имущественномъ отношеніи? Только на томъ, очевидно, что она находится „въ угнетенномъ положеніи“, что надъ нею можетъ быть проявлено „право сильного“...

Какъ-же можно возражать противъ вмѣшательства закона, обязаннаго ограждать слабого противъ сильного, бѣднаго противъ богатаго? Какъ-же можно расширять вообще дѣйствіе обычая противъ тѣхъ предѣловъ, какіе ему, въ дѣйствительности, усвоиваетъ законъ?

Изъ всего изложеннаго выше слѣдуетъ существенный выводъ: если и до сихъ поръ крестьянская масса не была изъята отъ дѣйствія несовершеннаго *свода* законовъ гражданскихъ, то тѣмъ болѣе долженъ быть распространенъ на нее нынѣ *кодексъ* гражданскій. Онъ не можетъ предоставить крестьянскій имущественный бытъ самому себѣ, дѣйствию обычаевъ, и—долженъ быть *общимъ* въ полномъ и самомъ широкомъ смыслѣ. Извѣстный родъ правъ—нынѣ общъ уже всѣмъ сословіямъ. Общи всѣмъ должны быть, безъ всякихъ изъятій, и гражданскіе законы, въ порядкѣ которыхъ осуществляется одно изъ элементарныхъ правъ этого рода, правъ личности,—законы притомъ усовершенствованные, вырабатываемые на научныхъ основаніяхъ. Этого требуетъ сама наука, именно неполагающая различій между лицами разныхъ сословій, стремящаяся, въ существѣ своемъ, подчинить всѣхъ законамъ равнымъ не только по внѣшней ихъ силѣ, но и по внутреннему содержанію. Къ кодексу, научно-составляемому на канунѣ XX столѣтія, съ тѣмъ большимъ основаніемъ можно примѣнить настоящее требованіе. Что же касается до считающагося, кажется, наиболѣе капитальнымъ соображенія противъ распространенія на крестьянъ общихъ гражданскихъ законовъ,—да соображенія, основываемаго на существованіи якобы большаго числа особенностей крестьянскаго быта, препятствующихъ распространенію на него общихъ правовыхъ нормъ, какъ обусловливающихъ собою при подобныхъ обстоятельствахъ особо частое нарушеніе справедливости въ частныхъ случаяхъ,—то это есть наиболѣе мнимое соображеніе. „Особенностей“ въ крестьянской средѣ, наоборотъ, гораздо меньше, нежели во всякой иной. Въ этомъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Крестьянская жизнь—проста, однообразна, сѣра, буднична. Можно ли утверждать противное? А оттого общія нормы, наименѣе нарушающія справедливость въ частныхъ случаяхъ, именно для крестьянъ и могутъ быть выработаны съ наибольшею легкостію. И давно пора это сдѣлать, и было бы неосновательно и странно, еслибы отъ такой задачи уклонилось гражданское уложеніе...

Н. Дружининъ.

